
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Старшие электроплавильщики литейного цеха Горьковского автозавода, братья Филипп (слева) и Иван Дараевы, выполнили план 1952 года на три с половиной месяца раньше срока.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: На карьерных разработках «Куйбышевгидростроя». Экскаватор «Уралец» загружает камнем 25-тонный самосвал «МАЗ».

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1348)

12 АПРЕЛЯ 1953

31-й год издания.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СВЯТО СОБЛЮДАТЬ СОВЕТСКИЕ ЗАКОНЫ

4 апреля было опубликовано сообщение Министерства внутренних дел СССР о результатах тщательной проверки всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

Проверка установила, что привлеченные по этому делу профессора и врачи были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Обвинения, выдвинутые против этих лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными.

Показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, как теперь установлено, были получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные профессора и врачи полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях и из-под стражи освобождены. Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Провокационное дело, жертвой которого явились честные советские люди, выдающиеся деятели советской науки, было сфабриковано преступными авантюристами, поступавшими, как скрытые враги нашего государства, нашего народа. Поправ высокое призвание работников государственного аппарата и свою ответственность перед партией, перед народом, бывший заместитель министра государственной безопасности и начальник следственной части Рюмин и некоторые другие работники министерства в своих преступных целях пошли на грубейшие нарушения советской законности, надругались над неприкосновенными правами советских граждан. Бывший министр государственной безопасности С. Игнатьев оказался на поводу у этих преступников, проявил политическую слепоту и ротозейство.

Презренные авантюристы типа Рюмина пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждое социалистической идеологии чувство национальной вражды. В этих провокационных целях они клеветали на честных советских людей. Таким образом был оклеветан общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс.

С большим удовлетворением советский народ узнал, что обвинения, возведенные на группу честных деятелей советской медицины, оказались гнусным поклепом. Подобные преступления не могли долго оставаться неразоблаченными и безнаказанными. Советское правительство стоит на страже прав граждан нашей страны.

Советское правительство, вскрывая факты произвола и беззакония, решительно искореняя недостатки в государственном аппарате, открыто и прямо говорит об этих недостатках народу. Это свидетельствует о великой силе Советского государства, о силе социалистического строя.

Пока существует капиталистическое окружение, неизбежны попытки забросить к нам шпионов, диверсантов, попытки использовать в антисоветских целях отщепенцев, носителей буржуазной идеологии, перерожденцев. Против этих действительных, явных и скрытых врагов народа советские люди, повышая революционную бдительность, всегда будут вести беспощадную борьбу.

В передовой «Правды» от 6 апреля «Советская социалистическая законность неприкосновенна» говорится:

«В Конституции СССР записаны великие права граждан Советского социалистического государства. Статья 127-я Конституции СССР обеспечивает гражданам СССР неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Социалистическая законность, охрана прав советских граждан, записанных в Конституции СССР, — важнейшая основа дальнейшего развития и укрепления Советского государства.

Никому не будет позволено нарушать советскую законность. Каждый рабочий, каждый колхозник, каждый советский интеллигент может спокойно и уверенно работать, зная, что его гражданские права находятся под надежной охраной советской социалистической законности.

Гражданин великого Советского государства может быть уверен в том, что его права, гарантированные Конституцией СССР, будут свято соблюдаться и охраняться Советским правительством.

В этом — одно из важных условий дальнейшего тесного сплочения народов СССР вокруг своего Советского правительства, дальнейшего укрепления мощи нашей Родины и неуклонного роста международного авторитета Советского Союза».

НОВАЯ ЛИНИЯ МЕТРО

5 апреля открылись три новые станции Арбатского радиуса Московского метро, соединяющего площадь Революции с Киевским вокзалом. На этой трассе началось регулярное движение поездов. На снимках (сверху вниз):

Стахановцы — строители станции метро «Арбатская» (слева направо): начальник участка В. И. Чурилов, начальник смены лауреат Сталинской премии А. В. Зотов, бригадир проходчиков Г. Н. Авдюхов, бригадир комсомольско-молодежной бригады проходчиков Д. Г. Васин.

Новая станция «Арбатская».

Новая станция «Киевская».

Новая станция «Смоленская».

Фото Галины Санько.

ЗАПОРОЖСКИЕ СТАЛЕВАРЫ

Подача шихты в мартеновский цех.

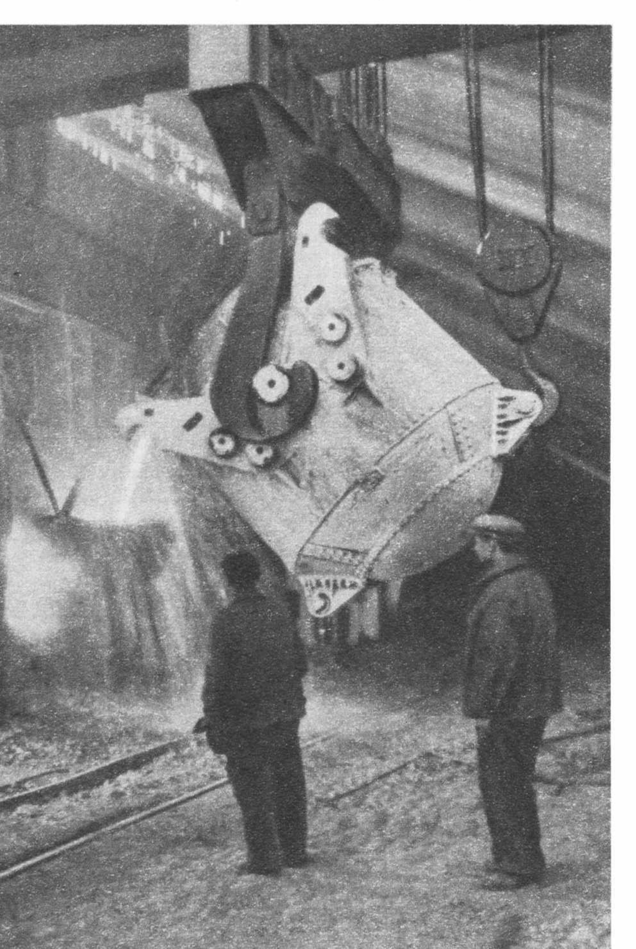
Вас. ФЕДОРОВ

Фото А. Гостева.

Десятый мартен, на котором работают три известных сталевара — Семен Якименко, Степан Мартынов и Алексей Небылицын, — стоит в дальнем конце мартеновского цеха. Чтобы попасть туда, нужно пройти по всему фронту печей.

Справа — печи, слева — пульты управления и доски показателей, на которых проставляется суточная выработка. Когда Семен Семенович Якименко, крупный мужчина сорока лет, пытливо поглядывая то направо, то налево, подходит к своей печи, он уже знает, как пойдет у него работа в эту смену.

Заливка чугуна в мартеновскую печь.

...Цех отмечал победу: тысячи тонн сверхплановой стали дал он прокатным цехам. Недоволен был только Семен Семенович, сваривший семьдесят тяжеловесных скоростных плавок, давший более трех тысяч тонн сверхплановой стали.

— Что ты, Семен, зажурывся? — спрашивали друзья, забывая о частых простоях, случавшихся раньше. Забыть было легко, когда на сталеваров сыпался обильный дождь благодарностей и премий, когда на каждом собрании им воздавали честь и хвалу.

Знаки внимания были оказаны и Семену Якименко. Его избирали в президиумы собраний и конференций. Он приходил на них тщательно выбритый, с щеголеватой щеточкой усов, которые придавали его крупному лицу почти беззаботное выражение. Ему предлагали выступать, и он выступал. Но в каждом новом выступлении сталевара сильней звучали нотки недовольства.

Никто не знал, что в это самое время он подолгу просиживал за своей домашней «бухгалтерией», как в шутку называлась тетрадь с записями простоев.

И вот пришел день, когда домашняя «бухгалтерия» дала ему все улики против тех, кто затягивал плавки. Здесь значились доменщики, шихтовщики, крановщики, разливщики, ремонтники — почти все, от кого зависела работа сталевара. Минуты и часы, вписанные торопливой рукой Семена Семеновича, складываясь, вырастали в большие цифры. Около десяти скоростных плавок мог бы он дать за счет этих потерь. Как же тут не сердиться! Недаром во время этих подсчетов жена, Анна Савельевна, слышала, как в соседней комнате время от времени на стол падал тяжелый кулак мужа. Почти каждая потерянная плавка сопровождалась таким выразительным жестом. Девять ударов — девять плавок, потерянных ни за что, ни про что...

После долгого раздумья и советов с товарищами Семен Якименко пришел к выводу, что пока виновники простоев не примут активного участия в соревновании сталеваров, потери будут продолжаться. Стучи потом кулаком по столу!

С «бухгалтерией» в кармане Якименко появлялся то у парторга Кривоноса, то у начальника цеха Разенкова. От них он спешил к печи, чтобы снова посоветоваться с товарищами.

— Надо вызвать на соревнование все вспомогательные участки, — говорил он Небылицыну и Мартынову. — Надо, чтобы они совестью мучились, когда мы простаиваем по их вине...

Так родилась на заводе «Запорожсталь» идея комплексного соревнования. Якименко разъяснял, что, ликвидировав потери, можно каждую плавку сделать скоростной, сократить ее на полтора часа.

Молодой сталевар Небылицын дал согласие первым. Для него, комсомольца, авторитет Якименко был непререкаем. За плечами Алексея всего трех — четырехлетний опыт, и если к нему, как к равному, обращается такой опытный сталевар, то может ли он не согласиться! Другое дело — Степан Мартынов, двадцать шесть лет из сорока двух проработавший у мартена. Вместе с опытностью к нему пришла и чрезмерная осторожность. С ним Якименко пришлось крепко поспорить...

Долго еще Мартынова одолевали сомнения. Ему казалось, что в цехе все осталось по-старому, что сталевары соседних печей только похихикивают над ними. «Алеше Небылицыну простительно увлекаться несбыточными мечтами, — рассуждал он, — а мне-то, стреляному волку, непростительно».

Однажды Степан пришел на смену. По его расчетам, он должен был принять печь от Якименко после выпуска очередной плавки. Но, подойдя к печи и заглянув в смотровой глазок, сталевар убедился, что плавка, совсем готовая, сидит в печи на так называемом «дежурном» газе. «Опять во-время не дали ковшей!» Со злости хотелось перекричать репродуктор, сообщавший о данных химических анализов. Но в это время с пульта управления донесся голос Семена, отчитывавшего диспетчера:

— Дадите вы, чорт вас побери, ковши или нет?!

Якименко повесил телефонную трубку и, выскочив из будки, столкнулся с Мартыновым. Поздоровавшись со сменщиком, Семен отвел глаза. Глядя в сторону присмиревшей печи

одним глазом он косился на товарища, ожидая знакомых упреков. Обычно такие упреки начинались тяжелым вздохом. Так было и на этот раз. Мартынов вздохнул и заговорил:

— Эх, Семен, Семен...

— Не паникуй... Бороться будем — выйдет!

Споря, они не заметили, как от подъездных путей торопливым шагом к их печи приближался молодой паренек в промасленной куртке паровозного машиниста. Спросив о чем-то подручных, он направился прямо к ним. Еще издали спросил:

— Вы сталевары с десятой?

— Мы. В чем дело? — спросил Семен.

Паренек смутился.

— Пришел спросить, когда вам подавать шихту. По графику — время, а диспетчер молчит. Непонятно...

Хмурое лицо Семена Якименко засияло, большие серые глаза сталевара сразу же потеплели. Он обернулся к Мартынову и сказал:

— Что скажешь?! А ты говорил, что в цехе все по-старому! А это что? — кричал он, кивая на ничего не понимающего паренька.— Это же, Степан, совсем новое! Первая ласточка! — И тут же ответил машинисту: — Минут через тридцать можешь подавать шихту...

Дела на десятой печи пошли лучше. Якименко и Мартынов все время шли на уровне взятых обязательств, зато Небылицын не дотягивал. Несколько раз, глядя в его похудевшее лицо, Якименко спрашивал:

— Что у тебя, Алеша, не ладится?

Однажды парторг ЦК поинтересовался делами сталеваров на десятой печи. Узнав, что Небылицын отстает, он начал допытываться, почему.

— Может быть, дома что-нибудь? — спросил он.

— Да нет,— отвечал Якименко.— Дали ему новую квартиру, он ею доволен, с женой живет дружно. Молодой еще, опыта маловато...

— Не знаю, как насчет опыта, а молодость — не причина. Надо бы тебе присмотреться к нему, к его работе. Возможно, что вы плохо сработались...

Тем временем на десятой печи шел разговор, подтверждавший мысль парторга ЦК.

Как всегда, Алексей пришел в цех задолго до начала смены. Подражая Семену Семеновичу, он шел неторопливым шагом к своей печи, посматривая то направо — на печи, то налево — на доски показателей. Все предвещало хороший день. Еще издали он увидел Мартынова, хлопотавшего над установкой желоба для заливки в печь жидкого чугуна. Где-то невдалеке раздавались предупредительные сигналы электровоза, подающего ковши с чугуном, то и дело слышался громкоговоритель. Все эти знакомые признаки цеховой жизни настроили Алексея на веселый лад. С добродушной улыбкой на худощавом лице он поздоровался с Мартыновым и подошел к смотровому глазку среднего окна. Зная, что Небылицын придирчив, Степан Михайлович с беспокойством последовал за ним. Алексей осматривал печь с такой же тщательностью, как летчики перед дальним полетом осматривают свой самолет. Заметив, как молодой сменщик начал хмурить белесые брови, Мартынов поторопился заверить:

— Скоростная, Алеша, обеспечена!..

— Посмотрим, посмотрим! — неопределенно ответил Алексей.

Небылицын молча переходил от окна к окну. Почти рядом, заглядывая в его покрасневшее лицо, шел Мартынов. Взгляд в окно — это взгляд в будущую судьбу плавки. Вот большие белые глыбы стального лома. Они ярко светятся по краям. Но темные сердцевины говорят о том, что они еще не прогрелись. Залить жидкий чугун в этот момент — значит удлинить плавку. Алексей обернулся к Степану:

— Торопишься, Степан Михайлович...

— А как же, Алеша, не торопиться? Обязательства-то у нас большие...

— Сам знаю, что большие. Ты хочешь побыстрей, а получается наоборот. В прошлый раз из-за твоей торопливости я чуть не сорвал скоростную...

— Не может быть!

— А ты посмотри плавильные журналы.

Алексей настоял на своем. Удивленный его настойчивостью, Мартынов отправился в диспетчерскую, где хранились документы, о которых говорил рассерженный сменщик. В диспетчерской он застал Семена Якименко. Тот листал один из журналов и выписывал в блокнот длительность некоторых операций. «Что это они сегодня недовольные? — подумал Степан. — Алешка сердится, Семен хмурится... А дела-то не так уж плохи!»

— Что ты тут высмотрел? — спросил он у Якименко.

— А то, что мы недружно работаем, — ответил тот, — не помогаем молодому товарищу, даже больше того: три плавки у него затянулись по твоей вине, Степан.

Лицо Мартынова вспыхнуло:

— Да я всегда делал так, и у меня получалось!..

— А надо, чтобы получалось и у него.

Вскоре этот разговор был продолжен на заседании партийного бюро. Сам собой напрашивался вывод: каждый сталевар должен думать не только о себе, но и о своих сменщиках. Разговор о дружбе сталеваров не прошел даром. Плавки Небылицына стали короче. Теперь он шел на уровне обязательства, о котором знала вся страна. Сталеварам помогали и доменщики, и копровики, и машинисты завалочных машин. Успешно работала не только десятая печь. Сталевар Яковлев, с соседнего мартена, посмеивался:

— Пошевеливайтесь, а не то оттопчем вам пятки...

Выполнив свои обязательства, Семен Якименко поехал в Москву. Его пригласил на беседу министр. Министр интересовался делами завода, мартеновского цеха, успехами десятой печи.

* * *

Наступил 1953 год.

Сталевары десятой печи решили выступить с новыми обязательствами. Опять была привлечена домашняя «бухгалтерия» Семена Семеновича. И на этот раз от его внимательных глаз не ускользнули потери. Вместе с товарищами он подсчитал, что более трех тысяч тонн можно дать только за счет ликвидации брака на разливочном пролете. Теперь они брались выплавить стали на пятнадцать тысяч тонн больше, чем в минувшем году.

Новые обязательства сталеваров заставили инженеров цеха задуматься: нужно произвести проверку мощности всего оборудования. Скоростные плавки, выдаваемые почти всеми печами, увеличили нагрузку на разливочный пролет. Надо вводить в строй новую разливочную площадку. Появилась потребность во втором дворе изложниц, в увеличении количества сталеразливочных тележек. Сталь голыми руками не возьмешь! Снова зашла речь о переделке разливочных кранов, подкрановых путей. Назрел вопрос и об улучшении самой печи. В цехе появились представители институтов. Замечая их около своей печи, Семен Якименко говорил:

— Скоростная плавка подгонит всех: и руководителей, и конструкторов, и ученых...

План в нынешнем году намного увеличен. Но первый же месяц показал, что и его можно перевыполнить: печь выдала семьдесят семь скоростных плавок, из которых почти третья часть пришлась на долю Алексея Небылицына.

...Восемь месяцев работала печь № 10 с хромомагнезитовым сводом без ремонта. 657 плавок выдала она, в то время как на других печах производственная кампания не превышает 400 плавок. Сталевары Якименко, Мартынов и Небылицын досрочно выполнили задание первого квартала, сварили около 3500 тонн стали сверх плана.

Все три сталевара с десятой печи живут в одном доме. Однажды Алексей Небылицын зашел к заболевшему Степану Михайловичу. За год совместной работы у них установились дружеские отношения.

— Ну как, Алексей, идет ремонт? — спросил Мартынов.

— Какой ремонт! Работает! Сегодня я сварил очередную плавку!

— Ну, чудеса! — удивился Мартынов, и по глазам его было видно, что он стосковался по цеху. — Завтра же приду! Хоть посмотрю...

И Степан Михайлович пришел. Небылицын выпускал скоростную плавку. Алексей глядел на огненную массу металла, бегущего в ковш. За спиной раздался знакомый голос Мартынова:

— Идет сталь! Красиво идет!..

* * *

Заводская техническая конференция обсудила опыт запорожских новаторов. Коллектив печи № 10 обязался дать сверх годового плана не 15 тысяч тонн, как намечалось раньше, а 25 тысяч тонн стали!

Семен Якименко.

А. Небылицын (слева) и С. Мартынов.

Все интересовало подруг в Нарьян-Маре в первые дни, особенно оленьи упряжки, прибегающие из глубокой тундры. На снимке (на заднем плане): Роза Рукавкова и Люда Макина.

„У НАС В НАРЬЯН-МАРЕ"...

Вл. СОЛОУХИН

Фото Галины Санько.

Морской пароход «Юшар» готовился к отплытию. Нагруженный углем для собственных топок и продуктами для далекого полярного города, он сидел в воде глубоко и остойчиво. Холодные волны Северной Двины лениво плескались о железный борт.

Капитан корабля Жуков стоял на своем мостике, облокотясь на поручни, и наблюдал за привычной ему сутолокой. Взгляд капитана отметил девушку, пробиравшуюся сквозь толпу с большим чемоданом. Карие глаза девушки широко раскрыты, должно быть, она впервые видит все это: и Двину, и морской пароход, и сутолоку. Капитан неуловимым жестом подозвал к себе матроса и о чем-то распорядился. Матрос — разбитной, еще не окрепший в кости паренек в парусиновой куртке и берете — через несколько секунд очутился перед девушкой.

— Извините, в какую каюту? Я донесу чемодан.

— Спасибо, я сама.

— Не имею права. Приказ капитана — доставить ваш груз по назначению. Итак?..

— Сейчас посмотрю. — Девушка передала чемодан, достала из сумки билет. На нем было написано: «Архангельск — Нарьян-Мар, каюта № 7».

Забегая с чемоданом вперед и припадая на одну сторону, матрос расспрашивал:

— Частенько бороздите полярные широты?

— Что вы, я вообще первый раз на пароходе.

Через несколько шагов добавила:

— Тем более на Севере.

— К мужу или к родственникам?

— Работать.

Матрос издал тот неповторимый, негромкий свист, в котором и удивление и безнадежность вместе.

— Вот ваша каюта, а вот и койка. Чемодан я поставлю сюда, а сами вы можете погулять по палубе. Вас кто-нибудь провожает? Ну все равно, каждому пассажиру перед уходом в море необходимо помахать рукой и сказать последнее «прости» туманным берегам.

Эту фразу матрос почти продекламировал. Ему хотелось расспросить пассажирку, что за работа ждет ее в Нарьян-Маре, но та уже поблагодарила, и с видимым неудовольствием матрос исчез. Девушка осталась одна...

...В приемной директора Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института толпилось много студентов. Все были оживленны и взволнованны. Шло распределение. Каждого выходившего из кабинета дружно обступали, расспрашивали. Из коридора доносилась лирическая студенческая песенка:

Ты уедешь к северным оленям,
Я умчусь в далекий Туркестан.

— Рукавкова! — раздалось в приемной.

Народу в распределительной комиссии много: директор института, декан, представители с мест, человек десять от студентов.

— Рукавкова Роза Лаврентьевна, — сообщил директор. — Куда желаете ехать?

Роза давно ждала этого вопроса, ответ на который решит дальнейшую ее судьбу, по крайней мере, судьбу ближайших лет жизни. Теперь она почувствовала, что приготовленные слова прозвучат несколько напыщенно, но других искать было некогда, и она голосом, которого сама не узнала, произнесла:

— У меня нет конкретного желания. Я хочу поехать туда, где я буду всего нужнее и полезнее Родине. — Произнесла и опустила глаза.

— Согласны поехать на Север?

— Я уже сказала.

— Архангельск, — заключил председатель комиссии. — Можете быть свободны.

В Архангельске Роза Рукавкова пришла в облздравотдел.

— Итак, школьный врач-педиатр? — спросил заведующий. — Могу предложить на выбор два места: остров Колгуев или город Нарьян-Мар. Подумайте до завтра.

На другой день Роза заявила о согласии ехать на Колгуев.

Заведующий посмотрел на молодого врача так, как будто вчера он ее не видел, а вот сегодня увидел впервые. Он думал секунд тридцать или сорок, откинувшись в кресло и глядя на кончик дымящейся папиросы.

— Извините. Место на Колгуеве уже занято. Вам остается Нарьян-Мар. Имейте в виду, совершенно специфические условия...

Начался деловой разговор.

Нарьян-Мар... Всем знакомо это сочетание нерусских слов. Знакомо еще из уроков географии в школе, из ежедневных сводок погоды. Все знают: далеко на севере, за Полярным кругом, есть такое место — Нарьян-Мар.

Роза Рукавкова смутно представляла, как выглядит этот город. На карте она нашла кружочек в низовьях реки Печоры. Никаких линий, намекавших на наличие дорог, из кружочка не исходило. Вокруг непонятные и красивые наименования: Сойма, Нерута, Топседа, Индига...

«Дорогая мама, — написала Роза, — еду в Нарьян-Мар! Ты будешь ворчать и говорить, что я так далеко от тебя заехала. Не ругай меня, мама. Может быть, я совершаю первый в жизни подвиг. Я ведь еще ничего не сделала для страны. Наоборот, она до сих пор учила и воспитывала меня. Может быть, там больше, чем в другом месте, нужны детские врачи; если это так, я буду счастлива... Поеду на морском пароходе «Юшаре»...»

...«Юшар» готовился к отплытию. Роза послушалась совета матроса и поднялась на палубу. Три дня назад по выходе из облздравотдела она была охвачена большой радостью, ощущением человека, вышедшего на гребень, с которого открываются неоглядные дали. Пусть они застланы дымкой, но они открылись, они не изведаны, и они зовут!

Теперь, на палубе парохода, ею овладело иное состояние. Сейчас она была одинока. Старых друзей и знакомых она оставила надолго, может быть, навсегда. (Где-то они теперь?) Новые? Их еще не было. (Каковы-то будут они?) Снова начнется жизнь, в нее войдут хорошие люди, но пока их нет. Пока она была одинока. А почувствовать одиночество, хотя бы и ненадолго, — страшно. И Розе было страшно.

Вдруг кто-то, подкравшись сзади, закрыл ладонями ее глаза. Она испугалась, резко вырвалась, подозревая единственного знакомого на этом корабле — матроса.

Перед ней стояла одна из лучших подруг, однокурсница Люда Макина. Они несколько секунд молча смотрели друг на друга, стараясь понять, что же все-таки произошло. Потом поняли, целовались, обнимались, бестолково расспрашивали друг друга:

— Нарьян-Мар? И я в Нарьян-Мар.

— Школьным педиатром.

— А я главврачом на эпидемстанцию. Ой, Розочка, ты представить себе не можешь!.. Иду по палубе и глазам не верю: ты!..

Вскоре подруги предстали перед капитаном Жуковым. Наперебой они говорили:

— Вы понимаете, случайно встретились! Теперь жить вместе будем. Вы понимаете?..

— Отлично понимаю, но чего же все-таки вы хотите?

— Мы хотим ехать в одной каюте.

Капитан Жуков любил свою профессию, хорошо знал обязанности и в меру обладал чувством достоинства капитана морского судна. Поэтому несколько суховато он проговорил:

— В обязанности капитана корабля не входит распределение пассажиров по каютам. — Но на него смотрели две пары сияющих, счастливейших и кроме того девичьих глаз. — Но уж если вы ко мне обратились, — продолжал он, — скажите: я дал «добро».

Между тем «Юшар» набирал ход.

...Первое время девушки мало сидели в каюте. Им так хотелось испытать все связанное с плаванием, что Роза высказала робкое опасение:

— А вдруг, Люда, нас даже не покачает? Так хочется, чтоб хоть немного покачало. И как это пи-

шут в книгах: «...Корабль кидало, как щепочку». Разве может кидать такую громадину, как наш «Юшар»?

Девушки не знали, что как раз в это время корабль вышел на просторы Баренцова моря.

Ветер крепчал. Низкая свинцовая мгла застилала горизонт. У линии соприкосновения мглы с морем пролегала узкая седая полоска. Оттуда катились тяжелые зеленые волны. На волнах стали появляться белые бурунчики, и вскоре вода закипела. Над самой водой, в выемке между двумя высокими гребнями, пролетела темная птица. В одном месте она проскочила под завернувшийся гребень, как сквозь арку. Скорее всего гагара, но Роза твердо верила, что это буревестник.

Били волны о железную обшивку судна; ветер свистел в корабельных надстройках; резал воду нос корабля; черная птица задела крылом гребень волны.

— Люда,— почти шептала Роза, схватив подругу за руку.— Смотри, слушай, это сильнее Бетховена!

Люда счастливо улыбалась, она знала, что Роза любит классическую музыку.

...Наступил момент, когда девушкам стало неприятно, даже противно смотреть на воду. Лица их побледнели.

— Может, пойдем? — робко предложила одна.

— Пойдем,— согласилась другая.

Последующие двое суток подруги не произнесли ни одного слова, не взяли в рот маковой росинки. Они просто лежали и мучились. Правы были книги: корабль кидало, как щепку. По крайней мере, так казалось девушкам. Только однажды Люда, уткнувшись в подушку, всхлипнула:

— Это ты хотела, Розочка, чтоб нас покачало! Век не забуду.

Но все же, преодолев болезнь, подруги вышли на палубу. Проходили остров Колгуев. Роза внимательно разглядывала его: ведь она едва не поехала туда. Запомнилась серая полоска земли, еле выступающая из волн. Казалось, сейчас придет волна покрупнее и захлестнет эту землю, перекатится через нее. Так вот он какой, Север! А ведь и Нарьян-Мар-то, должно быть, такой же.

Наступала ночь.

Первое, что ощутили девушки, проснувшись, — состояние блаженного покоя и неудержимого голода. Справа и слева тянулись берега: один низкий, другой холмистый. Никаких признаков построек, ни одного дерева. Шли по Печоре. К одиннадцати часам на палубе стало людно. С девушками разговорился старичок с раздвоенной каштановой бородкой, в форме связиста. Старичок комментировал события:

— Скоро подойдем к Коряговке. Обратите внимание: домà. Да-с! Настоящие деревянные дома. Колхоз «Харп», сиречь «Северное сияние». Ну, а чтобы чумы увидеть, вам нужно, того, в тундру.

— А разве Нарьян-Мар не в тундре?

— Была тундра... Сквер, березки принимаются. Да-с.

Собеседник явно гордился тем, что в Коряговке деревянные дома и что принимаются березки. Но девушки еще не «заболели» Севером, они еще помнили буйные палисадники, полные росной сирени. Они помнили, как цветет черемуха, как гнутся рубиновые кисти рябин, как поют на ветру сосны. Они еще не понимали своего собеседника — истого северянина. Еще ни разу они не произнесли: «У нас в Нарьян-Маре».

А между тем как бы из земли выросли впереди портальные краны, потом дома, очень много домов. Да ведь это и правда город! Нарьян-Мар плыл к ним навстречу.

Земля! Покрытая травой и цветами, она кажется вечно молодой. При виде обнаженной земли вспоминается: ей очень много лет. В Нарьян-Маре земля обнажена.

Подруги ступили на эту землю и растерянно оглянулись вокруг.

Около пристани лежало много сырых оленьих шкур, связанных в тюки. От них тянуло незнакомым резким запахом. К приезжим подошла девушка, несколько старше их, в летном шлеме.

— Вы врачи? Здравствуйте! Я заведую окрздравотделом. Сотникова. Познакомьтесь: товарищ Паромов — председатель горсовета. Мы за вами.

Вот и первые люди из новой жизни.

— Вы пока остановитесь в гостинице, а на днях получите комнаты.

— Нет, нет! — наотрез отказались девушки.— На первых порах мы будем жить вместе, так что нужна одна комната.

На почте, до востребования, ждали девушек письма, опередившие их в дороге. Пишет Розе мать Клавдия Ивановна, орловская учительница:

«Дорогая дочка. Я очень сильно волнуюсь за тебя, как ты поедешь впервые на пароходе. Ведь от длительной качки можно умереть, — так мне говорили сведущие люди у нас в Орле. Куда ты заехала? Знаешь ли ты, что такое Север? Там поднимаются такие бураны, что человека сбивает с ног. Люди обмораживают не только лицо, но и легкие. Как же ты будешь там жить?»

А погода в Нарьян-Маре стояла отличная. Плоские, как потолок, облака не закрывали горизонта, и он горел широкой золотой лентой. Золотились крыши домов, окна, песок на улицах, широкая гладь Печоры. Постепенно входил в силу нежестокий, но ядреный мороз.

Люда получила весточку от подруги из Крыма. Та писала, что в Евпатории все не спадает жара и поэтому приходится много сидеть в воде. Фруктов хоть завались...

— Нашла чем хвалиться! — посмеялись девушки.

— Пойдем, Роза, на зло купим яблок. Я видела, несли из магазина. Кстати, крымские.

Через три дня девушки попрощались около городского сквера и пошли каждая на свою работу: Люда — на эпидемстанцию, принимать дела главного врача; Роза надеялась уже сегодня побывать хотя бы в одной школе.

Интернат... Из глубины тундры, из оленьих чумов Малой и Большой земли съезжаются в интернат ненецкие дети. Они живут на полном государственном обеспечении и учатся всю зиму, чтобы на лето разъехаться по своим становищам, кочевать с оленьими стадами, подышать воздухом тундры, пропахнуть дымом костров.

В такой интернат и пришла Роза Рукавкова в первый день работы. Ее встретили две белокурые девушки-воспитательницы. Побывав на кухне, в столовой, в спальных комнатах и классных помещениях, Роза попросила подготовить ребят к осмотру.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросила она своего первого пациента, которого силой притащили девушки.

В узких, как миндаль, черных глазенках маленького ненца прыгал испуг. Роза погладила его по голове:

— Ну, так как же тебя зовут?

— Софрон, — неожиданным басом проговорил мальчик.

— Открой рот, Софрон. Так. Хорошо.

У одного из мальчиков на руке была царапина. Теперь она зажила, но рукав рубашонки был испачкан засохшей кровью.

— Почему он ходит в грязной рубашке? — не поворачивая головы, спросила Роза у девушек.

— Еще не пришло время менять белье.

Роза продолжала спокойно осматривать ребят, но у нее четко работала мысль: «Если не потребовать сейчас, с первого раза, так и пойдет».

И впервые в жизни в голосе Розы прозвучала повелительная интонация:

— Немедленно, на моих глазах сменить рубашку! Ну, мальчик, что у тебя болит?

Пожалуй, ни один день не проходил для Розы так быстро, как первый день работы. Когда кончился осмотр, стало темнеть.

— Температура в классах ниже нормальной на три градуса. Температура должна быть нормальной всегда. Клеенки в столовой отмыть с мылом и мочалкой.

Девушки внимательно слушали ее распоряжения.

А шагнув за порог, Роза не узнала земли. Уже несколько дней двигался с Ледовитого океана снег, опускаясь на замерзшие озера тундры, смешиваясь с водой быстрых речек. Наконец он подобрался к Нарьян-Мару. Чистый, нетронутый, он покрыл обнаженную землю, и земля словно помолодела. У Розы от нахлынувшей белизны слегка закружилась голова. Она шла домой усталая и удовлетворенная. Ей было радостно думать, что вот приехала она в этот город и в нем хоть немногое, а изменилось. Теплее стало в классах, на мальчика надели чистую рубашку, в столовой отмыли клеенки. Это мало, но это хорошо. Для одного дня это очень хорошо. И еще ей показалось, что вот земля помолодела, а она, Роза, за этот день стала старше, нет, не старше — взрослее. И, странно, стоило проработать один день, как город стал уже не таким чужим. Роза чувствовала, что он становится все ближе и роднее, город, где впервые она почувствовала себя нужной и полезной Родине.

...Вот почему в одном из писем она написала: «Дорогая мама, сегодня у нас в Нарьян-Маре после долгой полярной ночи показалось солнце. Значит, скоро весна!..»

Роза перечитала фразу, улыбнулась и слова «у нас в Нарьян-Маре» подчеркнула жирной чертой.

В первый день работы Роза Рукавкова пришла в интернат.

Мы Сталина в сердце несем

Алексис ПАРНИС

Когда на языке рыданья
заговорило все кругом,
лишь сердце вновь сильней
страданья,
и ты найдешь опору в нем.

Когда вся жизнь путем солдата
идет в порядке боевом,
и, не бросая автомата,
раненье лечит под огнем,

и даже стон от муки лютой
в призыв умеет превращать,
и враг не смеет ни минуты
глумиться и торжествовать;

в дни потрясенья мирового,
немыслимого до сих пор,
когда мы смело ищем слова,
чтоб даже смерти дать отпор,—

я вспоминаю бой в подполье,
в том типографском тайнике,
одну гречанку доброй воли
с портретом Сталина в руке.

Я вспоминаю голос смелый
однополчанки молодой,
людей, которых голубь белый
ведет на справедливый бой.

Солдатом став перед врагами,
поняв, что отступленья нет,
она, как боевое знамя,
держала сталинский портрет.

Такая сила в том портрете,
что возле сердца сбережен,
куда ни глянь, на белом свете
всегда с людьми простыми он.

И, как за Сталина живого,
сражаясь за портрет его,
сказала девушка сурово
врагам народа своего:

— Не вырвать вам
его портрета,
как не отнять начала дня,
как не отнять дневного света:
навек он в сердце у меня!

В дни потрясенья мирового,
немыслимого до сих пор,
когда все люди ищут слова,
чтоб самой смерти дать отпор,

чтобы огнем прямой наводки
ответить горю, в этот час
слова гречанки-патриотки
годятся каждому из нас:

— Нет, не отнять его навеки!
Он жив, он в каждом человеке,
он только вышел из Кремля.

Наш полководец всюду с нами.
Его учение и знамя
хранит отныне вся земля!

Перевела с греческого
М. Алигер

ЛЮДИ И КНИГИ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото С. Фридлянда.

1

Стены сплошь заставлены книжными полками. Светлый читальный зал. Ковровые дорожки ведут к столикам, стоящим в несколько рядов. Во всю стену окно, и через него открывается вид на Неву.

Мы в научно-технической библиотеке Ленинградского металлического завода имени И. В. Сталина. В часы обеденного перерыва и после окончания дневной смены в библиотеке особенно многолюдно. Нет, кажется, на заводе инженера, техника, стахановца-новатора, чей творческий рост не был бы связан с этим хранилищем книг.

Все, что мы видим здесь,— это будни одной из 368 тысяч библиотек нашей страны, о которых говорил в своем докладе на XIX съезде партии товарищ Г. М. Маленков.

Познакомимся с теми, кто пришел сегодня в библиотеку, кто сидит за столиками читального зала.

2

Вот получает книги начальник отдела турбомеханизмов конструкторского бюро завода Александр Александрович Ломакин. Четверть века назад пришел он на завод с дипломом инженера. Молодого конструктора интересовало все новое в проектировании машин. Но советское турбостроение тогда еще только брало разбег, выбор литературы в библиотеке был не так уж богат. Другое дело сейчас, когда и паровые турбины выпускаются гигантские — в сто с лишним раз мощнее первых советских турбин — и опыт накоплен колоссальный. Теперь в фондах библиотеки сто тысяч томов. Ныне А. А. Ломакин уже не рядовой инженер. Он ученый, с книгами которого вы можете ознакомиться здесь же, в заводской библиотеке.

Разительные перемены произошли в труде и жизни советской технической интеллигенции, участвующей в создании самых совершенных в мире машин. Библиотечный формуляр Ломакина — свидетельство этих перемен.

Сначала записаны книги, относящиеся к тем далеким дням, когда молодой инженер готовился к сдаче кандидатского минимума и к защите диссертации. Далее следуют записи более позднего времени, когда Ломакин писал объемистый труд на соискание степени доктора технических наук. За участие в разработке конструкции и технологии производства паровой турбины Ломакин получил Сталинскую премию. На всех этапах творческого труда инженера техническая библиотека была его незаменимым советчиком и помощником.

Ныне доктор технических наук А. А. Ломакин совмещает свою конструкторскую работу с чтением лекций в заводском филиале Политехнического института. В библиотеке он находит всю необходимую ему литературу.

2

3

По внешнему виду трудно определить, кто из них рабочий, кто техник, кто конструктор. Они люди разных профессий и возрастов. Но все трое — студенты открытого при заводе филиала Политехнического института имени М. И. Калинина.

Сегодня лабораторные занятия. Поэтому и обеденный перерыв приходится проводить в технической библиотеке. Дорога каждая минута!

Слесарь Борис Емельянович Смирнов (слева) поступил на завод сразу после окончания средней школы. Его трудовой стаж не превышает двух лет.

Тамара Александровна Михайлова пришла в конструкторский отдел после окончания техникума. В первые же дни работы, когда пришлось участвовать в разработке чертежей крупнейшей в мире паровой турбины сверхвысокого давления, она поняла: надо учиться дальше! И вот Т. А. Михайлова уже на втором курсе филиала института.

По-иному сложилась жизнь Павла Устиновича Волкова. Квалифицированный разметчик, совмещая работу с учебой, он окончил заводской техникум и сейчас занят проектированием мощных гидротурбин. Волков решил продолжить учебу, благо институт здесь же, при заводе.

Студенты пользуются особым вниманием библиотеки. Волков с благодарностью говорит о заводской научно-технической библиотеке.

— Позвонишь, попросишь подобрать необходимую литературу или учебники, и к твоему приходу все уже на столе. А как это важно для рабочего-студента!

4

Пройдем в другой конец зала. Тут занимаются инженеры, готовящиеся к защите диссертации. Их так и зовут в библиотеке — заводские диссертанты.

До Великого Октября в цехах завода насчитывалось всего лишь несколько инженеров. Сейчас здесь не только сотни специалистов с высшим образованием, но и немало ученых, выросших на производстве, тесно с ним связанных.

Николай Васильевич Семенов (слева) десять лет назад работал зуборезом и одновременно учился в вечернем институте. Теперь он старший инженер лаборатории. Но Семенов попрежнему учится — готовится к защите кандидатской диссертации.

Бывший рабочий, ныне старший инженер лаборатории, Н. Д. Сенцов уже сдал кандидатский минимум и получил право на соискание ученой степени. В основе его научной работы «Конструирование и расчеты сварных диафрагм» — опыт, накопленный за годы практических исследований.

Сейчас на заводе учатся все: и рабочие и инженеры. В вечернем техникуме и заводском филиале института около четырехсот студентов. Диссертационная группа насчитывает более сорока человек. В школе рабочей молодежи свыше шестисот учащихся. А сколько слушателей на курсах, в кружках технической учебы! И все они абоненты заводской научно-технической библиотеки.

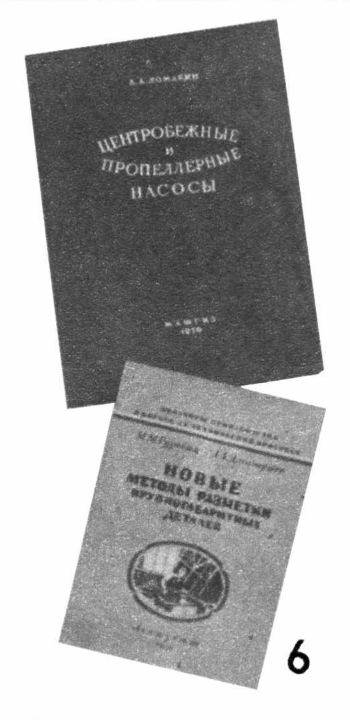
5

В цех на имя лауреата Сталинской премии электросварщика Анатолия Михайловича Мошкова пришло извещение. Библиотека сообщала, что в ее фондах появилась интересующая Мошкова новинка: «Стахановский листок» — об опыте работы сварщика завода «Знамя труда» И. Г. Черного. И вот Анатолий Михайлович в библиотеке. Он перелистывает брошюру, затем берет свежий номер журнала: нет ли здесь чего такого, что можно применить у себя?

Индивидуальные извещения о книжных новинках регулярно получает более трехсот новаторов. В библиотеке знают, чем они интересуются, над чем трудятся. Когда главный конструктор гидротурбин лауреат Сталинской премии Н. Н. Ковалев вернулся из Москвы, где был утвержден технический проект гигантской гидротурбины для Куйбышевской ГЭС, то вместе с конструкторами радовались и работники библиотеки. Есть и их, пусть небольшая, доля в большом труде заводского коллектива. Это они отыскивали нужную книгу, составляли справочники, отвечали на многочисленные запросы проектировщиков.

6

На одном из стеллажей собрана литература, написанная новаторами заводов Москвы, Ленинграда, Свердловска и других индустриальных центров страны. Специальный отдел посвящен научно-техническим трудам инженеров и стахановцев завода. Здесь книги тридцати двух «своих» авторов, плоды многолетнего опыта нова-

торов. Назовем некоторые из книг: А. А. Ломакин «Центробежные и пропеллерные насосы»; коллектив авторов во главе с главным конструктором гидротурбин Н. Н. Ковалевым «Новые турбины Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина»; А. Н. Сверчков «Ремонт и наладка паровых турбин».

7

— Ваша заявка выполнена,— говорит цеховой нормировщик Николай Федорович Муравьев, вручая станочнику К. Д. Волченкову (слева) заказанную им книгу.

Н. Ф. Муравьев недавно защищал диплом в техникуме. В дни учебы ему не раз приходилось бывать в библиотеке. Теперь он ее активист: заведует передвижкой в ремонтно-механическом цехе. В тот день, когда мы побывали здесь, Муравьев выдал книги 78 читателям.

Такие передвижки имеются во многих цехах.

8

Скромную труженицу Зинаиду Михайловну Серебренникову знают на заводе почти все.

Более двадцати лет работает она в библиотеке, которой сейчас заведует. На ее глазах возмужали и стали выдающимися инженерами, новаторами, учеными сотни читателей. Сегодня к ней пришли питомцы ремесленного училища Виктор Горбунов и Василий Павлов. Они только вступают в семью металлистов-турбостроителей. Зинаида Михайловна считает своим долгом рассказать новым читателям о богатствах, хранящихся на книжных полках,— такова традиция.

...Первые книги выбраны. Формуляры открыты. Зинаида Михайловна провожает любовным взглядом юношей.

Пройдут годы, и эти ребята, быть может, станут гордостью завода, как стали его гордостью те первые читатели, которые так же приходили сюда четверть века назад...

Энтузиаст пятилеток

В одном из пролетов механического цеха «Красного путиловца» мы увидели седоусого, белого, как лунь, но еще бодрого старика. Он заботливо хлопотал у станка, устанавливая какое-то приспособление. Это был Михаил Павлович Решетов, старый ленинградский рабочий, человек, прославившийся еще в первую пятилетку и до сих пор занимающий видное место в авангарде путиловского коллектива. Освоение нового производства не обходится без участия Решетова. Технологи разрабатывают процессы, а он первым применяет их на практике.

...1931 год. То были горячие, полные напряженного труда дни на «Красном путиловце». В цехах налаживалось массовое производство отечественных тракторов. Советская деревня, перестраивавшаяся на социалистический лад, ждала тракторы.

Краснопутиловцы выдержали экзамен на техническую зрелость. Десятки тысяч «стальных коней» вышли из заводских ворот на поля распахивать межи на землях молодых колхозов. Тогда и стал известен стране энтузиаст первой пятилетки, один из пионеров советского тракторостроения, Михаил Павлович Решетов. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Михаил Павлович, или, как его запросто у нас называют, дядя Миша,— самый популярный человек на заводе,— говорят нам в парткоме.— В нынешнем году ему исполняется семьдесят лет. Он уже давно получает пенсию. Но завод оставлять не хочет и работает не хуже молодых.

Производство тракторов было лишь началом большого трудового пути. Потом Михаил Павлович осваивал изготовление первых советских пропашников для хлопковых полей и свекловичных плантаций, налаживал выпуск советских автомобилей. А когда после войны кировцам поручили организовать производство лесных вездеходов — трелевочных тракторов,— Решетов снова был в первых рядах.

Нам показывают красивую, отделанную шелком папку. На обложке ее вытиснена цифра «55». Открываем и читаем приветствие юбиляру:

«Дорогой Михаил Павлович!

Дирекция, партийный комитет, заводской комитет и комитет ВЛКСМ дважды ордена Ленина, ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени Кировского завода приветствуют и поздравляют Вас как одного из старейших производственников с пятидесятипятилетием непрерывной и безупречной работы на заводе. За свою долголетнюю работу Вы показали образцовое отношение к труду на производстве, являлись активным рационализатором, передавали свой богатый опыт молодым производственникам и воспитали десятки высококвалифицированных рабочих.

Ваша работа на производстве является примером того, как надо жить и трудиться на благо нашей социалистической Родины. От души желаем Вам, дорогой Михаил Павлович, доброго здоровья, личного благополучия и успехов в дальнейшей производственной деятельности».

...Много знаменательных событий произошло в жизни ветерана труда коммуниста Решетова за два последних десятилетия. В день 150-летия завода его наградили вторым орденом Трудового Красного Знамени. Энтузиаст первой пятилетки, Михаил Павлович с честью пронес это почетное звание до наших дней.

— В труде радость,— говорит он.— Вместе со мной на родном Кировском заводе работает инженером мой сын Леонид, а по соседству — дочь Галина, техник. Вся наша семья трудится на пятилетки!

К. КОНСТАНТИНОВ

Михаил Павлович Решетов.

Фото Л. Коровина.

ФАБРИКА-ЛАБОРАТОРИЯ

Фото М. САВИНА

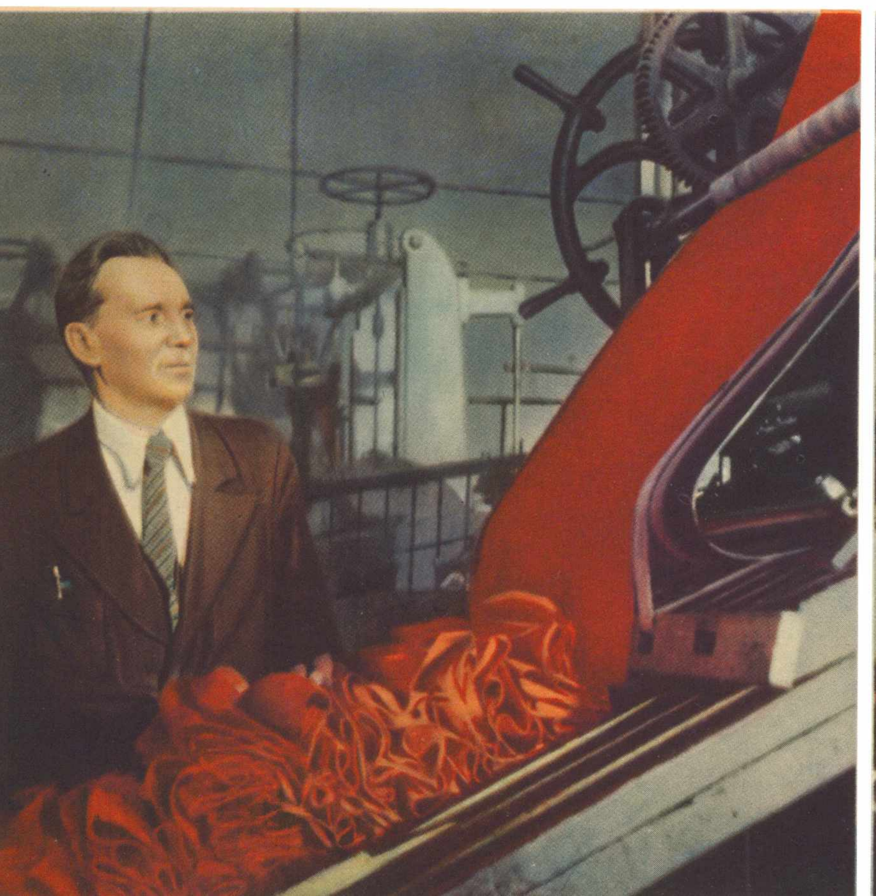
Большая Ивановская мануфактура (БИМ) — крупнейшая текстильная фабрика, которую по праву называют фабрикой-лабораторией. Полностью перевооруженная технически за годы сталинских пятилеток, фабрика обогатила ткацко-отделочное производство страны крупными новшествами. Только за послевоенные годы новаторы фабрики получили 62 авторских свидетельства.

Лауреат Сталинской премии ткачиха И. И. Солодова (снимок слева) предложила новый способ зарядки челнока, который стал общепризнанным. Теперь каждая ткачиха экономит на зарядке челнока 30 минут в смену.

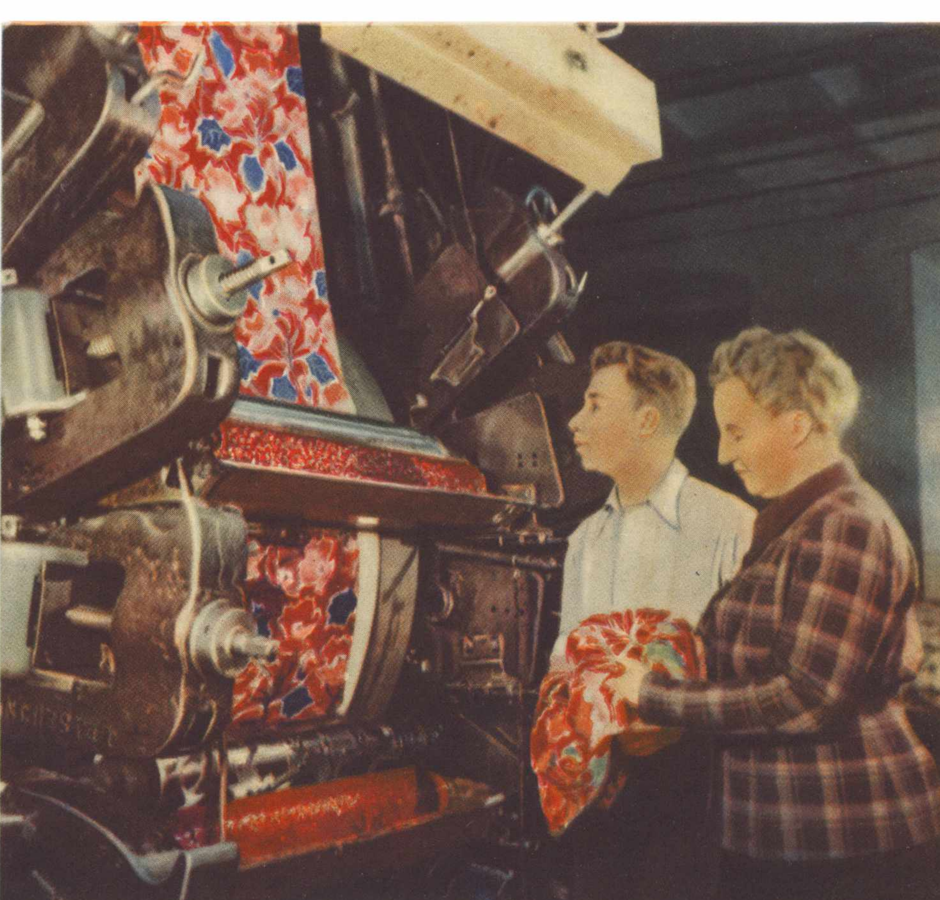
Автоматизированная цепная ширилка (снимок справа). До внедрения прибора автоматической правки утка ее обслуживали три работницы. Ныне одна работница успевает следить и за работой машины и за укладкой товара. По существу, работница стала теперь техником.

Ткани с маркой «БИМ» имеют большой спрос. Популярность их — не в малой мере заслуга и художников, граверов, печатников. На фабрике создана студия мастеров текстильного рисунка. Старейший гравер П. И. Кашников обучил Алевтину Бегунову, которая недавно с успехом сдала испытания.

Одна из автоматизированных машин на фабрике — отделочный агрегат. В его узлы недавно внесены новые усовершенствования. Главный инженер фабрики лауреат Сталинской премии А. И. Батьков следит за работой обновленных узлов.

Постоянно обновляется технология отделки тканей. Химики фабрики разработали свыше двадцати рецептов. Инженер-экспериментатор Н. Е. Федорова каждое новшество внедряет в производство после длительных опытов и консультаций с практиками. На снимке: Н. Е. Федорова с раклистом В. С. Титовым проверяют качество ткани.

В заводском доме

— По дешевке, небось, много накупила? — пошутил Федор Иванович.

Маленькая Ниночка примеряет обновы.
Фото Е. Умнова.

В полдень токарь московского Тормозного завода Федор Иванович Шмелев, как обычно, шел из цеха домой обедать, благо квартира его рядом, в большом заводском доме. Уже подходя к воротам, он встретил жену и дочь. Шли они с покупками из магазина.

— По дешевке, небось, много накупила? — пошутил Федор Иванович.

— И купила немало и деньги сберегла!

Семья токаря Шмелева состоит из четырех человек: девятиклассницы Нины, маленькой Веры, Антонины Николаевны и самого Федора Ивановича — единственного работника и кормильца. Заработка его вполне хватало на хорошее питание и необходимую одежду. Однако больше тридцати рублей в день Антонина Николаевна не тратила на продукты. Новое снижение розничных цен внесло в бюджет московского токаря заметное изменение.

— Думаю, что в результате снижения мы сэкономим до двухсот рублей в месяц,— говорит Антонина Николаевна.— Будем теперь покупать больше фруктов, сластей. Приобретем и всякие вещи. Все, все радуются, что жизнь еще лучше становится! — Антонина Николаевна кивнула на свой дом.— Среди хозяек только об этом и разговоров. Походили бы по нашему заводскому дому, в каждой семье праздник...

Мы послушали совета Антонины Николаевны. В жилых корпусах Тормозного завода, построенных на 1-й Миусской улице, живут слесари, токари, электромонтеры, литейщики, техники, инженеры. Живут в просторных, светлых квартирах. У многих телевизоры, автомашины, мотоциклы. Дети учатся в школах и вузах, стали врачами, педагогами, научными работниками.

Мы заходим в квартиру мастера Алексея Филипповича Рыскова, старого, почтенного литейщика, поступившего на завод тридцать два года назад формовщиком. Алексей Филиппович оказался дома. Он в очередном отпуске.

— Почему же вы не поехали на курорт? — спрашиваем его.— Или путевку не дали?

— Давали,— отвечает он.— Но я отказался. Уже бывал на курортах, решил: лучше дома побуду, со своей старухой...— и он улыбнулся.

— И зря не поехал, ведь в Ялту путевку давали,— раздался из кухни голос его жены Матрены Ильиничны.— Там бы и сына повидал. Так нет, заупрямился...

Речь шла о младшем сыне — Александре, юристе, уехавшем в отпуск в Ялту. С родителями живет и старший сын — Петр. Он и жена его Нина Николаевна — врачи. Семья живет «общим котлом», заработок ее достигает пяти тысяч рублей в месяц.

Матрена Ильинична хлопотала на кухне. Она готовила обед: хозяйство большой семьи лежит на ее плечах.

— Что и говорить, ни в чем себе не отказываем. Видите, и мебель неплохая, и телевизор есть.— Она показала нам кухню, тщательно прибранные комнаты, где поблескивали зеркала, стекла большого книжного шкафа, линза телевизора.— И автомашина была бы. Да некуда ставить. Разве перечтешь, что мы себе с прошлого до этого снижения купили? Ну, а теперь и тем более... Только спасибо и слышишь со всех сторон.

В квартире электромонтера Швергунова застаем самого хозяина — Анатолия Васильевича. Он пришел в перерыв домой пообедать.

— Вот смотрите, как питаемся,— говорит он, показывая на сытный обед.— Что и говорить, хорошее снижение цен провело наше правительство! Все рабочие довольны, подъем на производстве такой, что и описать нельзя.

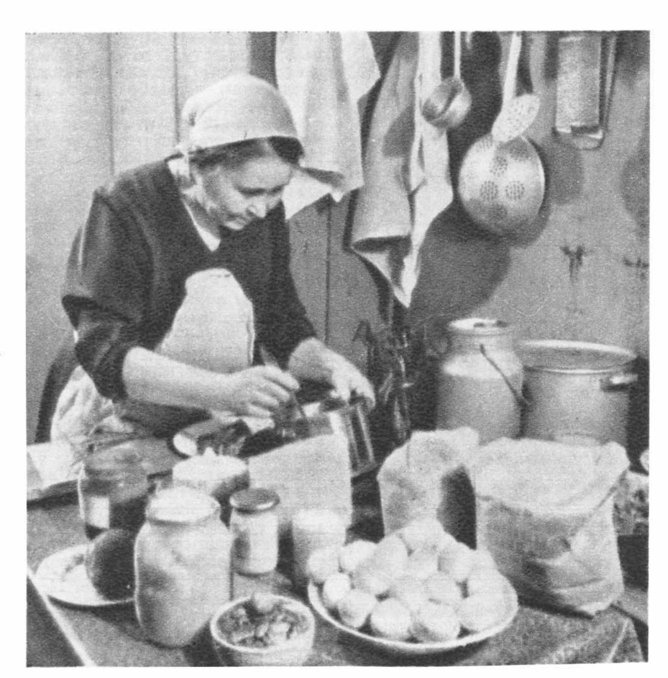
— Вот и хорошо, что к нам заглянули,— встречает нас Мария Георгиевна, жена инженера-конструктора Леонида Алексеевича Гнутова.— А мы с Ниночкой в магазин собрались, обновы ей к первомайскому празднику покупать. Может, с нами пройдете в Детский универмаг?

— Отлично!

В магазине, наполненном детским гомоном, маленькая Ниночка не без кокетства примеряла обновы. Когда Мария Георгиевна уплатила за них в кассу, она подсчитала, что благодаря снижению цен рублей пятьдесят остались у нее в сумке.

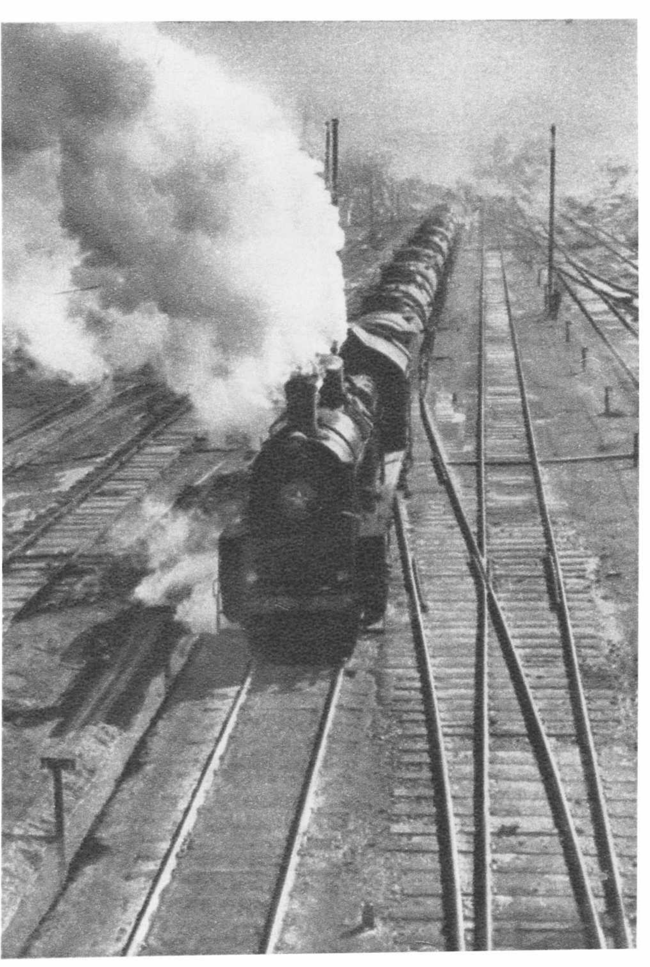
Директор универмага сообщил нам, что после снижения цен спрос на товары возрос и оборот магазина за последние дни увеличился. Это мы услышали и от заведующих другими магазинами: продовольственными, овощными, обувными, посудно-хозяйственными, расположенными вблизи заводского дома.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Матрена Ильинична хлопотала на кухне.

Инициатива ртищевских машинистов

Тяжеловесный поезд выходит в рейс.

Руководитель колонны машинист-инструктор В. Кузьмин (в центре) беседует перед выходом на линию с машинистом В. Чуркиным (слева) и его помощником В. Савельевым.
Фото С. Фридлянда.

Первым внес это предложение парторг паровозного цеха Ртищевского узла В. М. Кузьмин. Знатного водителя тяжеловесных поездов, ныне машиниста-инструктора, поддержали ртищевские железнодорожники. Они решили создать стахановскую паровозную колонну, назвав ее «Памяти И. В. Сталина».

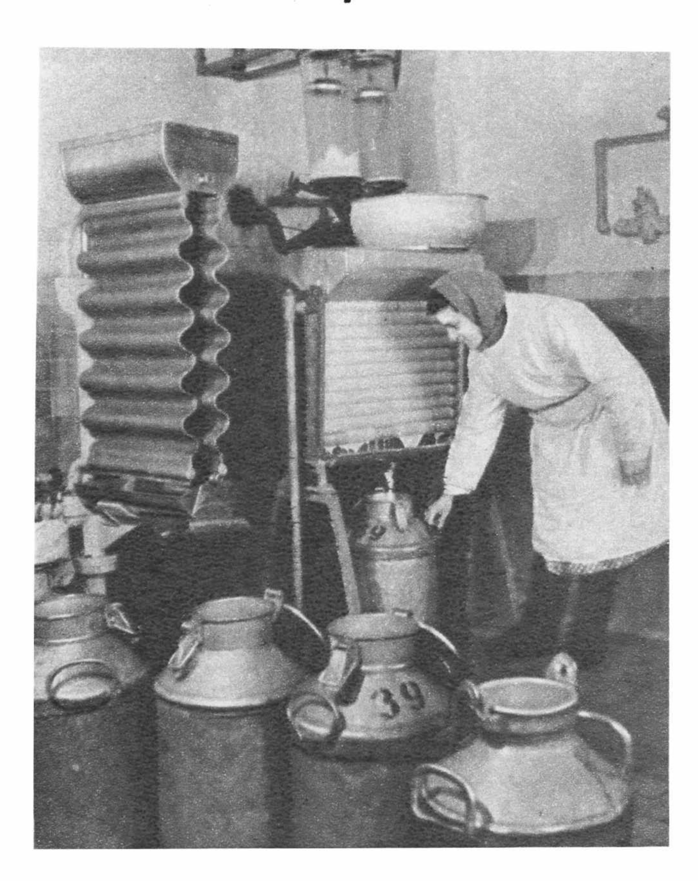
Большие обязательства приняли на себя паровозники. Повысить скорость вождения поездов, увеличить их вес, экономить горючее, сберегать смазочный материал, продлить межремонтный период — таковы резервы, найденные машинистами.

В середине марта на линию вышли первые тяжеловесные поезда колонны. А ныне ее организатор и руководитель Владимир Кузьмин подвел итоги. Лишь за две недели водители локомотивов сэкономили такое количество топлива, которого хватит на доставку 54 поездов. Еще недавно в депо ощущалась нехватка в паровозах. А теперь два локомотива поставлены на «отдых».

К Владимиру Кузьмину начали поступать заявления от других паровозных бригад с просьбой принять их в состав колонны.

Молочный цех в колхозе

В молочном отделении колхоза имени В. М. Молотова. Перекачанное по трубам молоко автоматически фильтруется, охлаждается, разливается во фляги. На снимке: приемщица молока В. Шишкина.

Фото Б. Кузьмина.

Иначе, как цехом, не назовешь этот просторный зал, где под потолком горят электрические лампы, а вдоль стен проложены батареи центрального отопления, где один за другим тянутся «станки» — огороженные металлическими трубами стойла для дойки коров.

По трубам бесшумно движутся горячая вода и разреженный воздух. Их подают в станки и на скотный двор. Каждый раз, когда наступает время дойки, коровам еще на скотном дворе делают «туалет». Пневматической щеткой, похожей на пылесос, санитарки чистят шерсть животных, теплым душем тщательно обмывают вымя. Гигиеническая процедура занимает не более минуты. И вот колхозные буренки одна за другой входят в доильный зал и становятся на привычные места в станках.

Доярки включают доильные аппараты. Отсасываемое разреженным воздухом молоко течет по резиновым шлангам в прозрачные цилиндры — молокосборники,— а оттуда потоком мчится по стеклянной трубе, протянутой через весь зал над станками.

В каждом станке рядом с доильным аппаратом имеется миниатюрный прибор для пневматического массирования. Каждая доярка управляет работой пяти доильных аппаратов.

Беспрерывно движется живой конвейер в просторном цехе, где электричество и пневматика полностью заменили кропотливый труд. Рядом с доильным залом молочное отделение. Туда молоко поступает по трубам; там его автоматически фильтруют, охлаждают, разливают во фляги.

Все это можно наблюдать на молочно-товарной ферме колхоза имени В. М. Молотова, Раменского района, Московской области. Более полутора миллиона рублей чистого дохода ежегодно получает этот укрупненный колхоз от своего животноводческого хозяйства. По всей области славится он высокопродуктивным скотом.

Новый доильный цех, вступивший в строй нынешней весной, создан в колхозе с помощью Института механизации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Оригинальный доильный зал и его аппаратура спроектированы лауреатом Сталинской премии кандидатом технических наук В. Ф. Королевым, инженером В. П. Лариным и аспирантом В. П. Похваленским. Аппараты, испытанные в лабораторных и опытных условиях, теперь внедряются в колхозное производство.

По соседству с новыми каменными постройками скотного двора и доильного зала расположены механизированный цех заготовки кормов и автоматическая водокачка, построенные и оборудованные по проектам инженеров А. В. Кузнецова и Л. Я. Кошекова. Овощехранилище, транспортеры, мельница, запарные чаны, смесительные аппараты, подача воды из артезианской скважины — все там полностью электрифицировано. Сложные и трудоемкие работы по приготовлению кормов для скота, на которых прежде было занято около двадцати колхозников, выполняются теперь механизмами, которыми управляют два человека.

Комплексная поточная механизация скотного двора в артели имени Молотова осуществлена впервые в нашей колхозной деревне. Установленное здесь оборудование рассчитано на механизированную дойку до 600 коров в сутки.

С. МЕСЯЦЕВ

ФЛАГ НАВИГАЦИИ ПОДНЯТ

Каспий после продолжительных штормов успокоился. У одного из нефтеналивных причалов Бакинской бухты грузился флагман «Сталин». Он готовился открыть весенне-летнюю навигацию по маршруту Баку — Астраханский рейд. Всего несколько дней назад танкер стоял еще на ремонте у стенок завода имени Парижской Коммуны. Тогда морякам казалось, что конца-края нет разным работам. Но судоремонтники дали твердое слово — досрочно вывести в море нефтеналивное судно. Им помогали и сами моряки.

...Тысячи тонн нефти вливаются по трубам в открытые люки. Красавец-танкер все глубже оседает в воду. На борту судна радостное волнение. На главной палубе выстроились моряки, руководители пароходства. Старший помощник капитана Н. Марызин дает команду:

— На флаг — смирно! Флаг и флаги расцвечивания поднять!

В несколько секунд судно одевается в праздничный наряд. На корме взвивается государственный флаг. На фок-мачте реет вымпел Государственного Комитета Обороны, полученный экипажем в годы Великой Отечественной войны. Флаги расцвечивания на грот-мачте увенчивает голубой переходящий вымпел Министерства морского флота, который присужден морякам в минувшем году.

— В 1953 году перед моряками танкера «Сталин» стоит ответственная задача,— говорит начальник пароходства Н. П. Мухин. — Они должны перевезти много сотен тысяч тонн груза, значительно больше, чем в прошлом году.

Капитан судна К. И. Кочетков и первый помощник Ю. А. Ибрагимов сообщили, что коллектив танкера берет на себя обязательство — 5 декабря завершить годовой план перевозок.

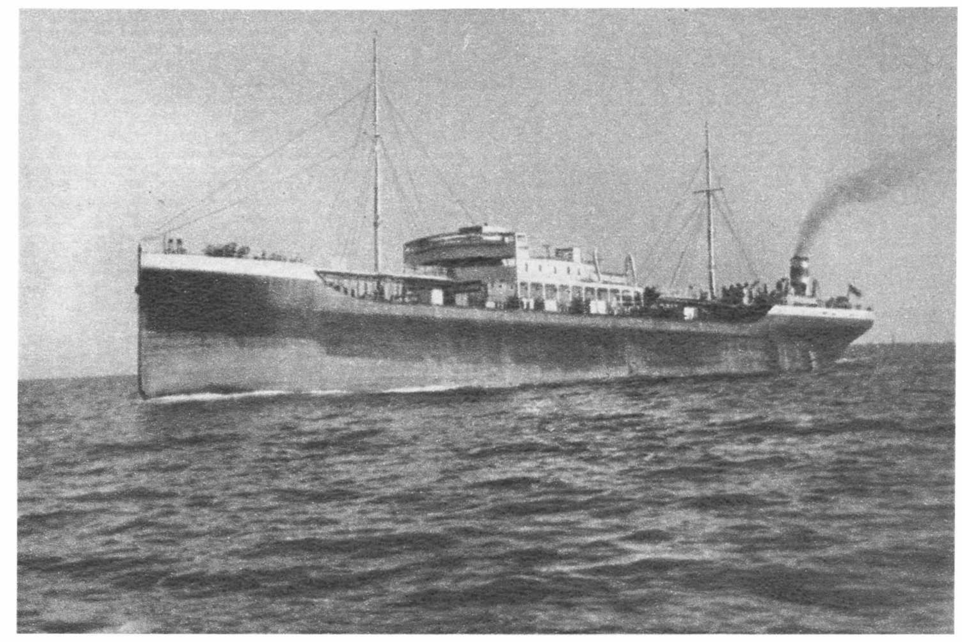
...Бьют склянки. На берегу рабочие-наливщики убирают трубы. Сегодня танкер взял более ста тонн груза сверх плана. Комсомолец матрос 1-го класса Чингиз Абасов старательно закрывает крышки горловин люков.

В машинном отделении вахта мотористов подготовила двигатели.

— Вира — якорь! — слышится команда.

Медленно ползут вверх тяжелые кольца якорной цепи. Матросы убирают трап и швартовые концы. Флагман «Сталин» плавно отчаливает от пристани и берет курс на Астраханский морской рейд.

Н. СПИЦЫНА

Танкер «Сталин» в открытом море.

Фото Б. Боровских.

У НАС ВО ДВОРЕ

Сталинабад. Улица Ленина. Зеленый уголок во дворе.

Сталинабад, улица Ленина, дом 144. Дом построен свыше года назад, тогда же въехали сюда новоселы. Это — одно из наиболее красивых зданий Сталинабада, быстро растущего и меняющего свой облик города. Строители позаботились и об удобствах, оборудовали просторный двор. Но во дворе не было ни одного деревца. А как приятна освежающая тень зелени в нашем жарком городе!

Жильцы решили озеленить дом своими силами. Был разработан и обсужден на общем собрании детальный проект озеленения.

Вдоль стен дома высажены фруктовые деревья — вишни, хурма, яблони, сливы. Большая площадь отведена под цветники и декоративные кустарники — тут розы садовые, сирень, жасмин. Центральная клумба засажена бананами, каннами и ирисами.

Всего посажено 318 лесных и фруктовых деревьев, 256 декоративных кустарников, 1 200 растений для зеленой изгороди. Почти все посаженные растения принялись и хорошо растут.

В прошлом году были сделаны только первые шаги. Теперь, с наступлением весенних дней, жильцы дома взялись за новые посадки.

Агроном Ф. УШКАЛОВ

Театр металлургов

Коллектив Днепродзержинского металлургического завода имени Дзержинского отметил юбилей своего самодеятельного театра. Он существует двадцать пять лет. В его репертуаре «Любовь Яровая» К. Тренева, «Клоп» В. Маяковского, «Слава» В. Гусева, «Ревизор» Н. Гоголя, «Назар Стодоля» Т. Шевченко, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, «Дорогой бессмертия» В. Брагина и Г. Товстоногова.

Многие из тех, кто в 1927—1928 годах создавал заводской драматический кружок, и сейчас работают в самодеятельном театре. После войны в коллектив пришла рабочая молодежь. Некоторые из кружковцев ушли на профессиональную сцену. Актриса Днепропетровского театра русской драмы заслуженная артистка УССР Екатерина Шершнева, актер Криворожского драматического театра Александр Семенов начали свой творческий путь в самодеятельном театре металлургов.

Сейчас в коллективе театра более сорока человек.

Иван КАМУЗ,
участник рабочего самодеятельного театра.

Демьян Бедный

(К 70-летию со дня рождения)

В наше время, когда развитию советской сатиры уделяется большое, заслуженное внимание, с особым чувством вспоминаешь о талантливом сатирическом поэте-борце Демьяне Бедном (1883—1945).

Еще в дореволюционное время начал свою славную работу в области политической сатиры Ефим Алексеевич Придворов, с 1912 года выступавший в большевистской печати под именем Демьяна Бедного. Скоро это имя стало популярным в рабочих массах.

Поэт избрал понятный, близкий народу жанр басен. Этот жанр позволял ему выступать против царского правительства, против ига угнетателей-капиталистов в иносказательной форме; басенные образы позволяли поэту до известной степени замаскировать революционное содержание своих стихов. Велико было агитационное значение этих басен! Демьян Бедный зло и остроумно высмеивал мягкотелых либералов, кадетов, ликвидаторов.

В «Звезде» и «Правде» он вырос в крупного политического поэта-сатирика.

Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко ЛЕНИН сам.
Он — издали, а СТАЛИН — был он рядом,
Когда ковалась им и «ПРАВДА»
и «ЗВЕЗДА».
Когда, окинувши твердыни вражьи
взглядом,
Он мне указывал: «Не худо б вот сюда
Ударить басенным снарядом!» —

вспоминал поэт.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции его голос зазвучал на страницах советской печати. Стихи Демьяна Бедного будили ненависть к врагу в сердцах красноармейцев и приводили в ярость контрреволюционеров.

После окончания гражданской войны поэт продолжал свою почетную работу, откликаясь на важные темы внешней и внутренней политики. Одно из лучших его стихотворений, «Тяга», товарищ И. В. Сталин назвал «жемчужинкой». Остро и метко писал Демьян Бедный о зарубежных делах, отлично владея жанром политической эпиграммы. Так, в эпиграмме «Чирий» он обличал центр воинствующего мракобесия — папское государство Ватикан:

То ж государство! Слышать дико,
Молитвы царство — не труда,
Такое малое, поди-ка,
А сколько от него вреда!

Незадолго до Великой Отечественной войны он выступил с произведениями на патриотические темы, посвященными защите Родины. В дни войны поэт не оставлял старого, испытанного своего оружия и писал басни, высмеивая незадачливых фашистских захватчиков.

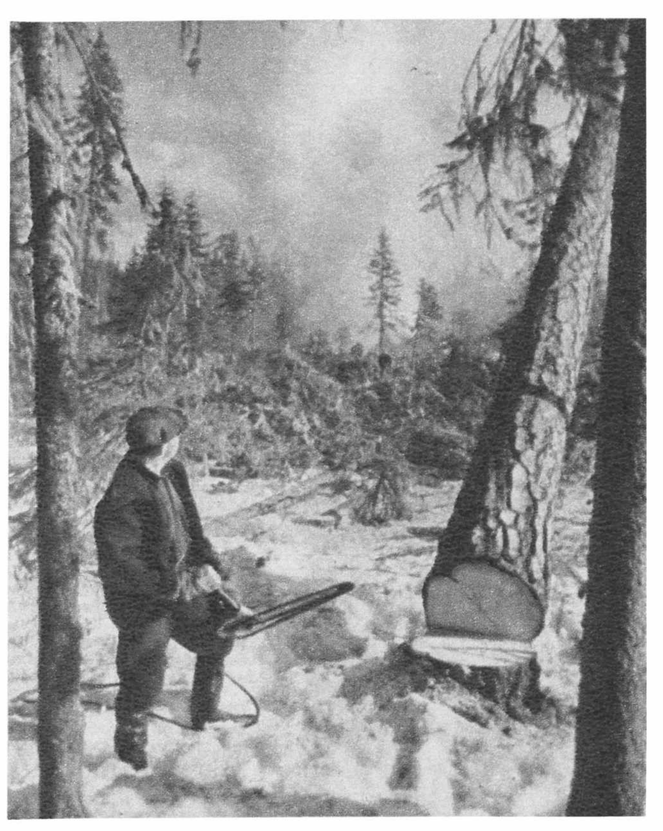
Лучшие произведения Демьяна Бедного сохраняют свою силу и жизненность и в наши дни.

Л. НИКУЛИН

В Государственном литературном музее открыта выставка советской русской литературы. На снимке: посетители знакомятся с разделом выставки, посвященным творчеству Демьяна Бедного.

Фото Э. Евзерихина.

На лесопункте Падозеро.

Фото П. Беззубенко.

В карельских лесах

Многие леспромхозы и лесопункты Карело-Финской ССР досрочно выполнили план лесозаготовок первого квартала. В марте было вывезено леса на 35 процентов больше, чем в том же месяце прошлого года.

Успешно выполнил свое социалистическое обязательство коллектив лесопункта Падозеро.

Стройкам коммунизма, угольным шахтам, домостроительным комбинатам страны отгружены тысячи кубометров древесины сверх плана.

Кинотеатры в Эстонии

Проект кинотеатра «Ленинград» в Таллине. Авторы проекта — Пеетер Тарвас и Аугуст Вольберг.

Двести семнадцать киноустановок работает в Эстонской ССР — в три с лишним раза больше, чем в буржуазной Эстонии. Кино проникло в самые отдаленные уголки республики, в самые маленькие населенные пункты. На острове Кихну, который в годы буржуазной власти считался крайне отсталым в Эстонии, «медвежьим углом», теперь постоянно работает кинопередвижка.

В эстонском селе появились общественные киноорганизаторы. Жители Кейлаского района хорошо знают комсомолку Валве Аунвер. Она часто заходит к колхозникам, знакомит их с содержанием новых кинофильмов, читает рецензии, появившиеся в центральных газетах. Валве пишет тексты для световых газет, рисует красочные афиши. Зал Народного дома всегда переполнен, а в теплую погоду Валве устраивает демонстрацию фильмов под открытым небом.

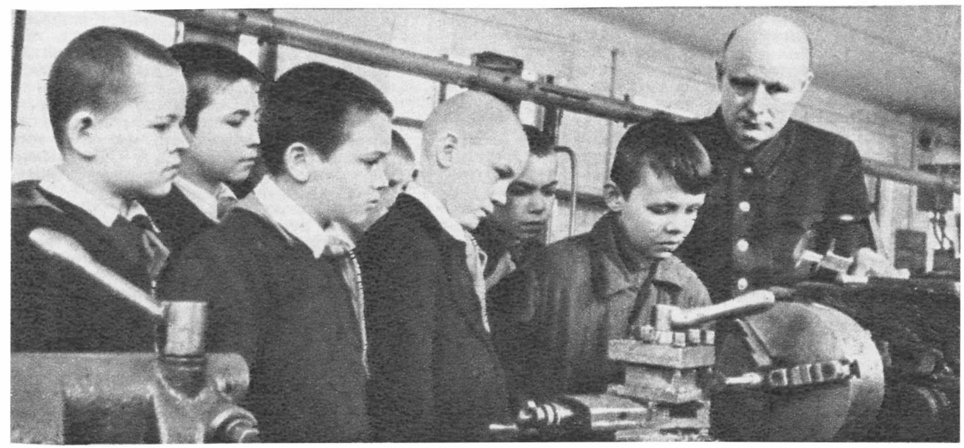
Прекрасный кинотеатр «Победа» построен в Кохтла-Ярве, новые театры выстроены в Валге, Отепяе, Пирите. К концу 1955 года в Эстонии будет построено еще 15 кинотеатров на 3 900 мест — в Нарве, Тарту, Пярну, Йыхви, Палдиски, Кейле, Тырве.

В Таллине начато строительство двухзального кинотеатра «Ленинград» на 800 мест.

Н. ХРАБРОВА

Дружба школьников и ремесленников

Школьники наблюдают за работой Юры Сидорова. Справа — мастер производственного обучения С. Начаев.

Фото Н. Капелюша.

Ремесленное училище № 25 города Горького. В токарной мастерской ремесленники встречают гостей — учащихся школы № 36. Юра Сидоров становится к токарному станку, и школьники внимательно наблюдают, как, извиваясь, из-под резца ползет стальная стружка. Мастер производственного обучения С. Е. Начаев рассказывает им об устройстве станка.

Между школой и ремесленным училищем установлена тесная связь. Юные мастера передали «подшефным» инструменты для технических и физических кружков школы.

Дом техники Автозавода организовал для преподавателей и учащихся старших классов цикл лекций об автомобильном производстве.

В. БАТАКОВ

Пятый день на ринге

Первенство СССР по боксу

Альгирдас Шоцикас в перерыве между раундами.

Проигравший выбывает из соревнований — таков суровый принцип олимпийской системы. Только боксер, выигравший подряд все предварительные встречи, получает право на участие в финале, и только победа в пятом, решающем бою над человеком, который тоже до этого не уступил никому, приносила победителю медаль чемпиона Советского Союза.

Сто двадцать три лучших боксера легчайшего, легкого, второго полусреднего, второго среднего и тяжелого веса начали 1 апреля этот трудный путь, а к последнему дню соревнований только десять спортсменов не имели ни одного поражения. Они встретились на ринге в помещении Московского госцирка, и для каждого из них это был, в сущности, «пятый раунд» одного большого боя. Ведь важно было не только добиться победы во всех предыдущих схватках, но и сохранить силы, свежесть, волю к этому решающему состязанию.

С каждым днем нарастало напряжение борьбы, а вместе с ним и волнение многочисленных зрителей, достигшее своей вершины к тому моменту, когда, открывая финальные встречи, на ринг вышли боксеры легчайшего веса Борис Степанов и Владимир Дадаев.

Это был бой двух равноценных соперников, находящихся в полном расцвете своих сил. Степанову 24 года, но он 4 года занимается боксом и провел 76 боев. Дадаев старше на 2 года, но и опыта у него больше: он провел уже 94 боя. Да, это была поистине финальная пара, когда трудно до последнего раунда, до последнего удара угадать победителя. Титул чемпиона страны завоевал один из самых способных наших молодых боксеров — Борис Степанов.

Совсем другой характер носила следующая встреча. На середине ринга сошлись представители двух разных спортивных поколений: «ветеран ринга», неоднократный чемпион страны, проведший за свою жизнь 234 боя, Анатолий Грейнер и один из самых молодых участников соревнований, 19-летний Фиродонт Ломидзе. Грейнер 20 лет выступает на ринге, Ломидзе — всего три, но на его стороне сила молодости и уже значительный опыт. Ломидзе имеет на своем счету 91 бой. Это отличный, смелый, уверенный боксер. Недаром именно он завоевал почетное право на финальную встречу. И этот бой не обманул ожиданий зрителей. От начала до конца он был насыщен исключительно яркой, напряженной борьбой. Грозному натиску Грейнера Ломидзе противопоставил быстрые уходы, стремительные контратаки. Он явно выжидает того момента, когда 35-летний Грейнер выдохнется. В третьем раунде Ломидзе начинает внезапную решительную атаку. Многие его удары достигают цели. Но Грейнер принимает темп, предложенный ему молодым соперником. Умело распределив свои силы, он хорошо проводит последний, четвертый раунд и добивается заслуженной победы.

Зрители с интересом ждали выхода на ринг боксеров второго полусреднего веса девятикратного чемпиона СССР Сергея Щербакова и перворазрядника 22-летнего Виктора Логинова.

Трудно представить себе более грозного противника, чем Сергей Щербаков. Низко пригнувшись, далеко выдвинув вперед свою полусогнутую левую руку, он идет в бой. Эта уверенность имеет основания. За 17 лет выступлений на ринге Сергей Щербаков провел 223 боя и проиграл из них только 16. Кажется неисчерпаемым резерв его сил. Вот и в этих соревнованиях, прежде чем получить право на участие в финальной встрече, он успешно провел 4 напряженных боя. Хватит ли у него сил для того, чтобы добиться победы и в 5-м бою? Виктор Логинов — молодой боксер, но отличается быстрым и точным ударом и большой волей.

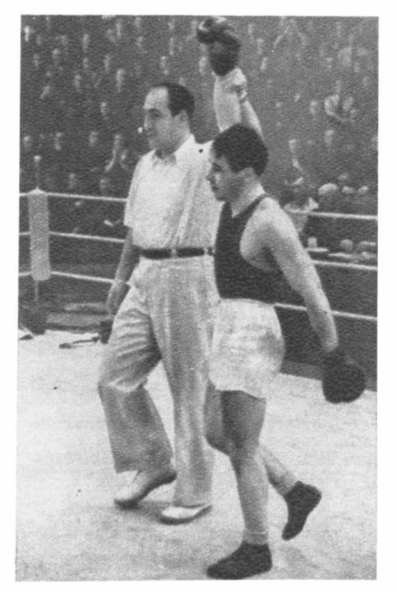
Эта встреча была одной из самых ярких и интересных. Щербаков наступает, его молодой противник умело обороняется, используя каждую возможность для удара. Он явно выжидает того момента, когда Щербаков устанет, для того, чтобы перейти в контрнаступление. И в тот момент, когда гонг известил начало третьего раунда, Логинов бросается в стремительную атаку. Не часто нам удавалось видеть грозного Щербакова в таком трудном положении. Все чаще прямые, мгновенно быстрые удары Логинова достигают цели, многим кажется, что инициатива прочно захвачена им, что его победа близка. Но делать выводы еще рано — все решится в четвертом раунде. И в эти три последние минуты Сергей Щербаков показал большое мастерство: он сумел устоять, противопоставить натиску Логинова свой натиск, провести несколько сильных ударов и добиться победы.

Во втором среднем весе встретились два представителя нашей боксерской молодежи: 24-летний Виктор Лукьянов и 23-летний Борис Назаренко. Победа присуждена Назаренко, который отлично провел четвертый раунд.

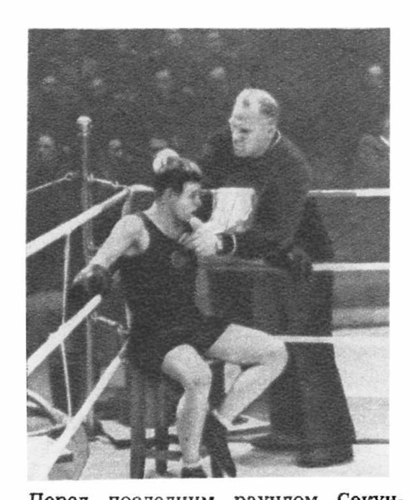
И вот наконец последний бой первенства, бой, которого с нетерпением ждали все любители бокса. Еще бы! Ведь на ринге в восьмой раз должны были сойтись такие два противника, как Николай Королев и Альгирдас Шоцикас. Сможет ли Королев взять реванш за три своих предыдущих поражения? Он отлично провел все предварительные бои, но так же уверенно провел их и Шоцикас. Кто же сумел сохранить больше сил для финальной встречи?

С первых же секунд Королев идет в атаку. Он ищет сближения, схватки в ближнем бою, как всегда, лицо его открыто, словно ему не грозит удар. Но Шоцикас осторожен, он выжидает, быстро передвигается по рингу и при первой же возможности бьет. Эти первые удары, видимо, достигли цели. Уже в середине второго раунда Королев начинает сдавать, но и тогда Шоцикас не меняет своей тактики. Ему хорошо известна грозная сила его противника. Шоцикас продолжает вести схватку на дистанции, набирая очки, и заслуженно добивается победы.

В. ВИКТОРОВ.

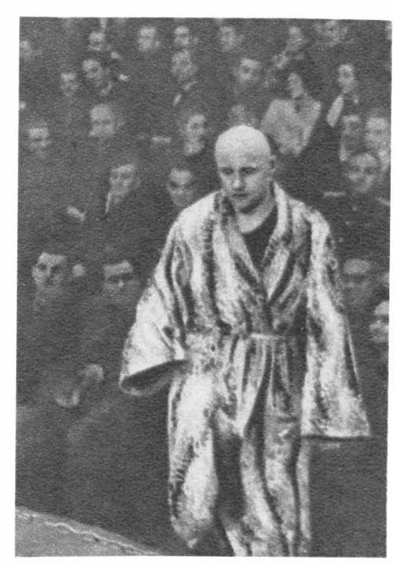
Победил Сергей Щербаков!

Перед последним раундом. Секундант В. Огуренков дает указания Б. Степанову.

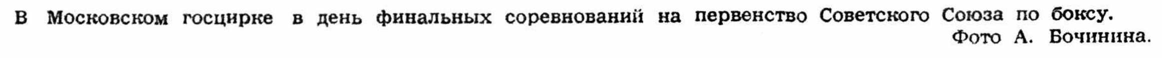
На ринге: Н. Королев (слева) и А. Шоцикас.

Николай Королев идет к рингу.

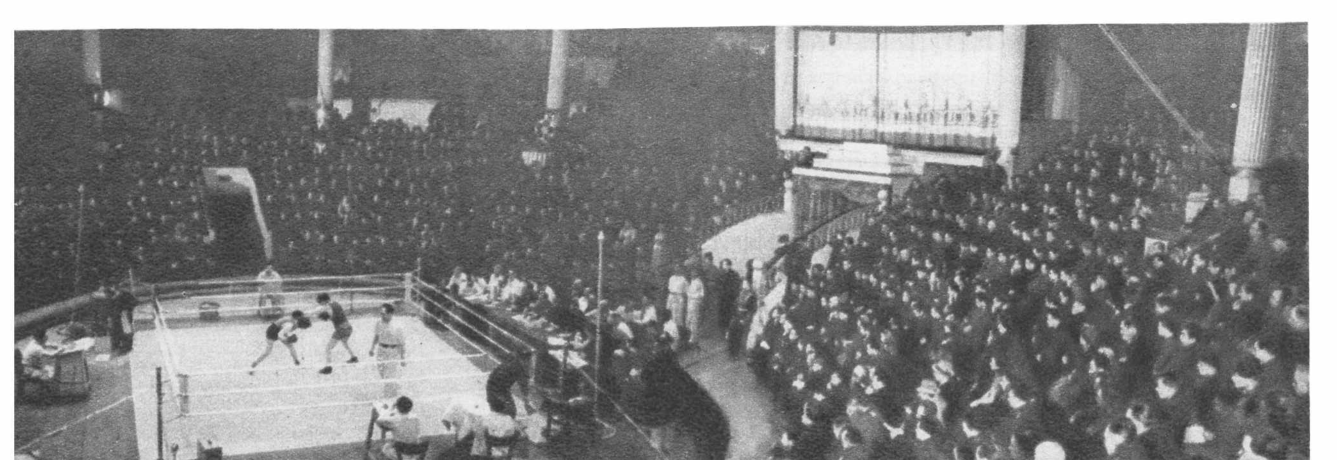
* *
*

В других весовых категориях первенство Советского Союза проводилось в городе Иванове. Чемпионами в наилегчайшем весе стал А. Булаков, в полулегком Ю. Соколов, в первом полусреднем В. Меднов, в первом среднем Б. Тишин и в полутяжелом Ю. Егоров.

В Московском госцирке в день финальных соревнований на первенство Советского Союза по боксу.

Фото А. Бочинина.

СТОЛИЦА НАРОДНОЙ ВЕНГРИИ

Жилые дома для трудящихся на окраине Будапешта.

Стоя на берегу Дуная в Пеште, на Дворцовом плоскогорье или на вершине горы Геллерт, где возвышается памятник советским воинам-освободителям, можно долго любоваться красотой столицы народной Венгрии.

Вторая мировая война принесла Будапешту большие разрушения. Почти три четверти жилых домов было повреждено, многие из них очень серьезно. Вина за эти опустошения ложится целиком на гитлеровских захватчиков, по-бандитски ответивших отказом на благородное предложение советских войск, направленное на избавление Будапешта от излишних жертв и разрушений.

4 апреля этого года исполнилось восемь лет со дня освобождения Венгрии от фашистского порабощения. Коренные изменения, происшедшие за это время по всей стране, отразились и в облике ее столицы. Строительство нового Будапешта ведется по плану реконструкции города.

Планирование нового Будапешта предусматривает, что памятники древней архитектуры должны восстанавливаться даже в том случае, если от них осталось лишь несколько разрушенных стен. Это относится особенно к зданиям, расположенным на Дворцовом плоскогорье. Здесь начато частичное восстановление древнего дворца, а также обнаруженных во время раскопок памятников XIV—XV веков. В ходе этих работ постепенно раскрывается древний вид Буды.

Восстанавливаются старинные сооружения и в других районах венгерской столицы — в Пеште, «Водном городе», Обуде, где когда-то был римский город. В 1952 году реставрировано большое классическое здание Национального музея, со ступеней которого во время революции 1848 года великий венгерский поэт Шандор Петефи прочел свою «Национальную песню».

Но что самое главное, — развернулись широкие работы, ведущие к ликвидации прежней пропасти между центром и окраинами. В конце 1949 года был создан Большой Будапешт, включающий все пригороды. К тому времени уже исчезли нищенские поселки, снесен был последний барак, жители бывших окраин переселены в большие дома. И рядом с этим закипело строительство новых домов для рабочих в Обуде, Андьялфельде, Уйпеште. Трех-, пяти- и семиэтажные дома, окруженные садами и парками, выросли в каждом рабочем районе. Большинство квартир состоит из двух — трех комнат, все они снабжены газом, водопроводом, ванной комнатой, центральным отоплением.

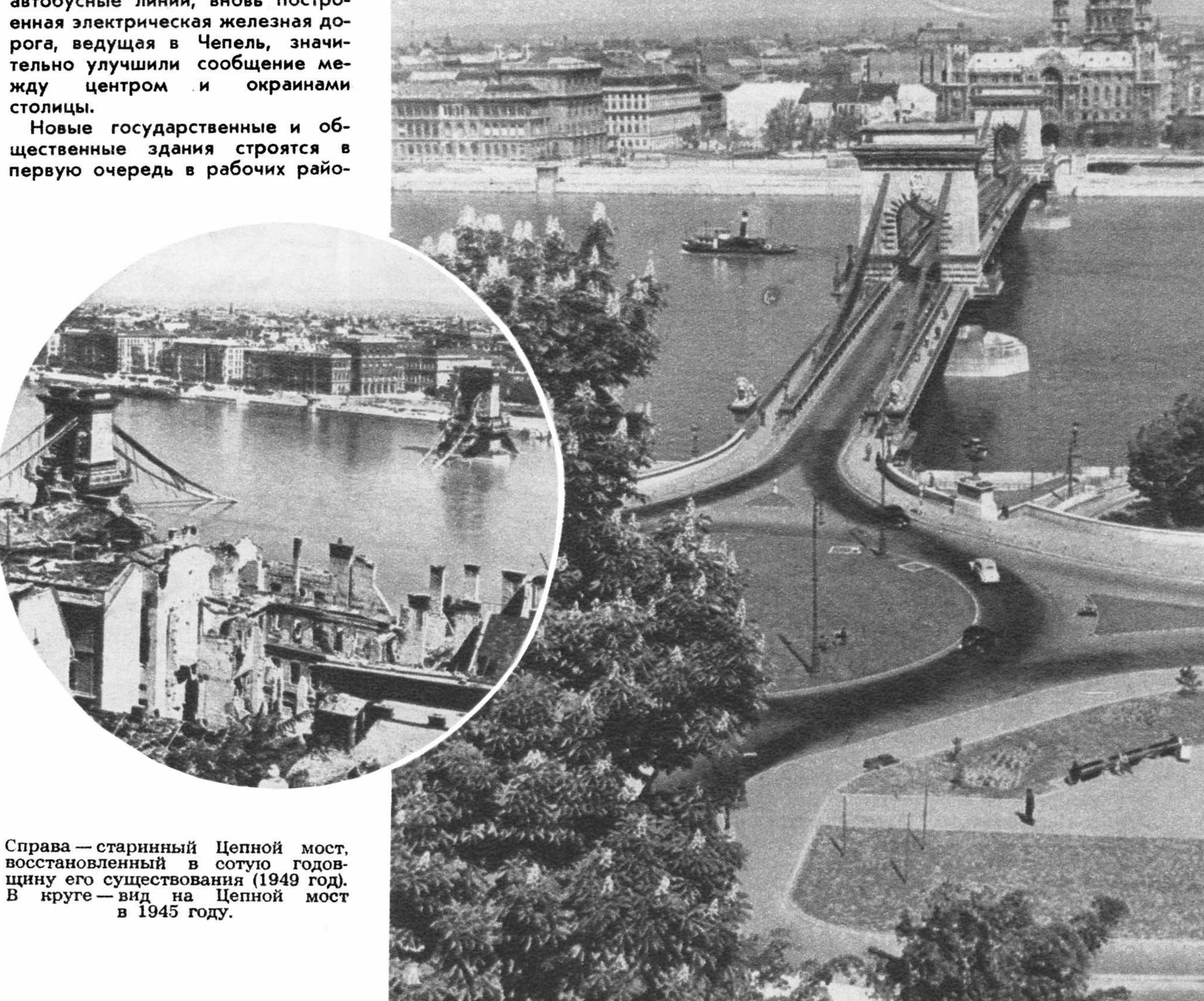
По пятилетнему плану ассигновано 168 миллионов форинтов на строительство водопроводной и канализационной сети в пригородах Большого Будапешта. Новые автобусные линии, вновь построенная электрическая железная дорога, ведущая в Чепель, значительно улучшили сообщение между центром и окраинами столицы.

Новые государственные и общественные здания строятся в первую очередь в рабочих районах. Еще недавно в Андьялфельде дети рабочих учились в деревянном бараке. В последние годы здесь сооружены три прекрасные, светлые школы-восьмилетки, в том числе школа на улице Дьердя Килиана, являющаяся лучшим школьным зданием всего Будапешта. В этом же районе построен прекрасный Дом культуры имени Матиаса Ракоши, создан большой купальный пляж, оборудованный по последнему слову науки родильный дом.

Новый мост через Дунай, носящий имя великого Сталина, соединяет Андьялфельд с рабочим районом Обуда.

На ряде предприятий Андьялфельда возведены новые, светлые, просторные цехи, бани, заводские дома культуры.

Вот заводская улица Ваци, которую рабочие раньше называли «Главной улицей нищеты». Когда-то здесь происходили боевые демонстрации трудящихся против грабительской капиталистической системы. Сегодня на этой улице возвышаются красивые новые

Справа — старинный Цепной мост, восстановленный в сотую годовщину его существования (1949 год). В круге — вид на Цепной мост в 1945 году.

На границе города воздвигнут памятник капитану Остапенко — советскому парламентеру, вероломно убитому гитлеровцами осенью 1944 года.

здания, символизирующие победу рабочего класса.

Район Андьялфельда — лишь произвольно взятый пример. В Будапеште все рабочие районы развиваются подобным образом. Чепель, названный в честь его революционных традиций Красным Чепелем, стал неузнаваем. Его когда-то грязные, запущенные улицы асфальтированы, на месте одноэтажных домишек возвышаются группы новых, современных жилых домов. Мы видим здесь среди новых зданий гимназию, металлургический и машиностроительный техникумы, большую учебно-ремесленную мастерскую, больницу, амбулаторию, Дворец спорта. Идет стройка огромного Дворца культуры, на которую ассигновано 30 миллионов форинтов. Преображаются и предприятия Чепеля, все растет количество промышленных новостроек, особенно одного из центров венгерской тяжелой промышленности — комбината имени Матиаса Ракоши.

Пройдите по любой улице Будапешта. Везде вы увидите, как растет, становится краше и благоустроеннее город. В Будапеште строится новый Народный стадион на сто тысяч зрителей, университетский городок, скоро начнется строительство нового Национального театра.

Гордостью нового Будапешта будет метро, строительство которого быстро продвигается вперед. Первая линия метро пересечет Пешт и под руслом Дуная перейдет в Буду. Вторая линия соединит северную и южную части Пешта, а третья — пригородные районы, охватив их кольцом. Станции метро будут украшены произведениями лучших венгерских мастеров искусств.

Новый Будапешт одевается в зелень молодых парков, его площади и улицы украшаются деревьями, цветочными партерами и клумбами. Даже на узких полосках между тротуаром и мостовой весною высаживаются цветы. На площадях, в парках для детворы устраиваются площадки. Открылось много летних театров, самый большой из них — в рабочем районе, в Парке имени великого русского композитора Чайковского.

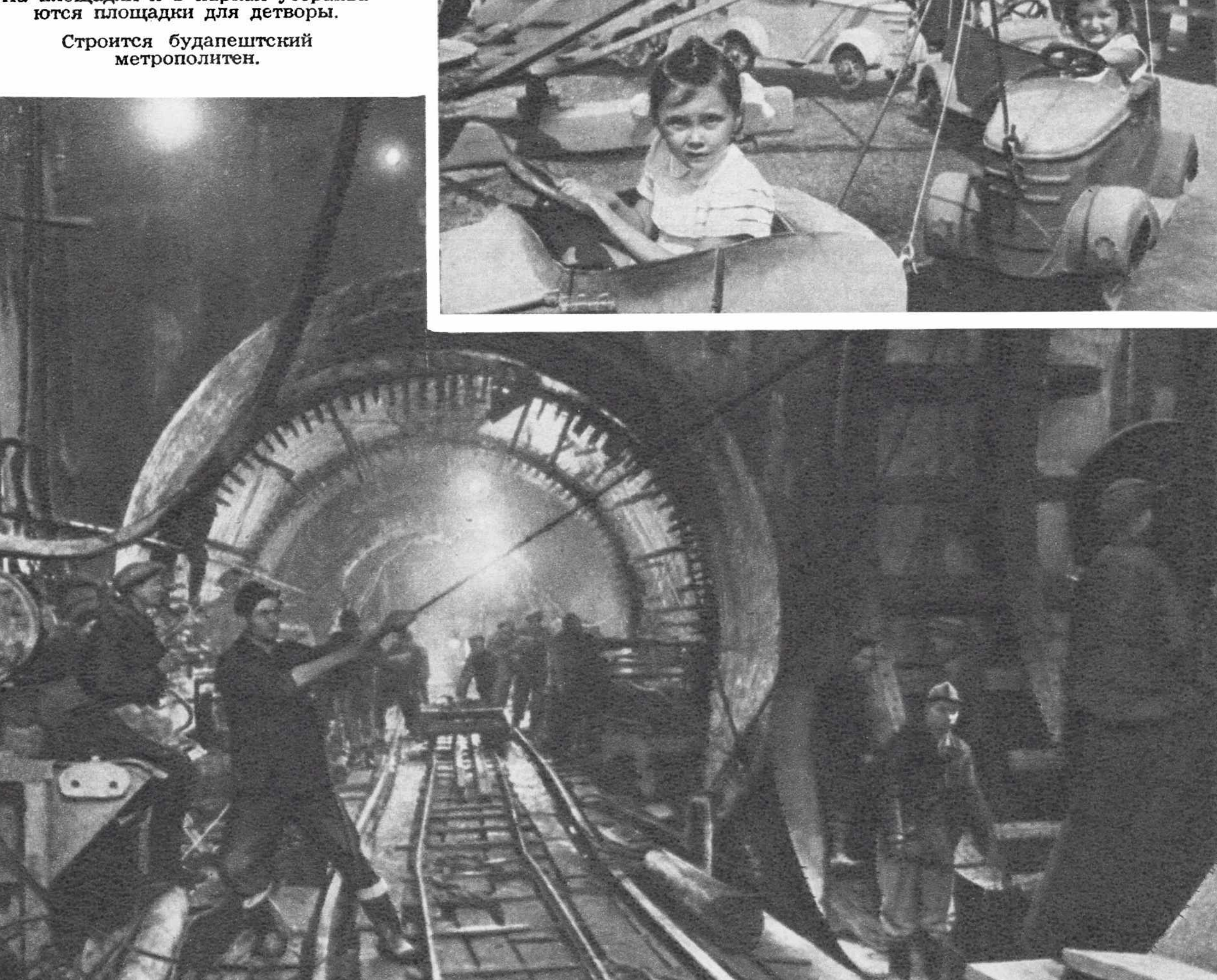
Социалистический Будапешт будет городом чистого воздуха и здоровья. План реконструкции намечает широкую лесозащитную полосу, которая окружит Пешт наподобие естественной лесной полосы Буды.

Комфортабельные автобусы стали неотъемлемой принадлежностью будапештских улиц.

Так меняется облик столицы народной Венгрии, народ которой, освобожденный Советской Армией от ига фашизма и империализма, идет твердой поступью к своему счастью, к построению социалистического общества.

Будапешт.
(Венгерское фотоагентство)

На площадках и в парках устраиваются площадки для детворы.

Строится будапештский метрополитен.

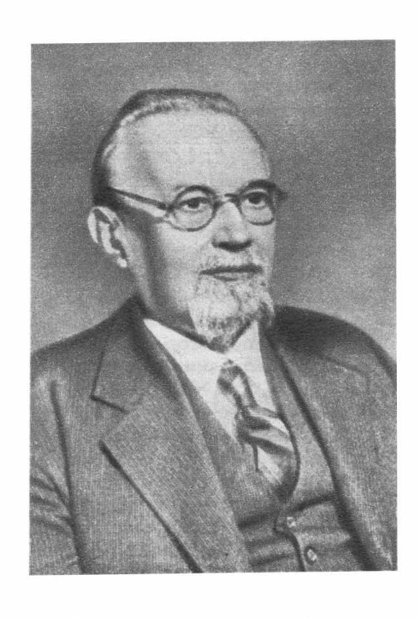
У ЧЕХОСЛОВАЦКИХ БИОЛОГОВ

Профессор А. СТУДИТСКИЙ

Липовая аллея ведет к подъезду старинного здания. Либлицкий замок. В течение двух столетий он был местом увеселений помещиков-крепостников. После освобождения Чехословакии от фашистского ига народ предоставил замок своим ученым. Здесь разместился Дом работников науки имени Яна Пуркинье — основателя чешской биологической науки.

...Сегодня в бывшем Либлицком замке открывается научная конференция биологов, посвященная разработке новой клеточной теории О. Б. Лепешинской.

Сто лет назад Пуркинье основал первый чешский научный журнал, «Живье». Теперь их много, чехословацких научных книг и журналов. Они издаются недавно организованной Чехословацкой Академией наук, о создании которой всю жизнь мечтал Пуркинье. Среди биологических журналов — скромные тетради «Чехословацкой биологии». Первый год издания — 1952-й. Выпуск первый. Он открывается статьей «Новые задачи и новые возможности наших биологических наук». Небольшая, но полная глубокого содержания, боевая, страстная, публицистически острая статья, автор которой рассказывает о том, как под руководством коммунистической партии во главе с Клементом Готвальдом расцвела наука в Чехословакии.

Профессор Ф. Студничка.

Я читаю выделенные курсивом слова: «Биологические науки являются полем самых обостренных боев материалистического мировоззрения против пережитков религиозных суеверий и антинаучных идеалистических взглядов...»

Автор стоит рядом со мной. У него живые, пытливые глаза, открытое молодое лицо. На отвороте пиджака — крошечный, в маленькую горошину, круглый значок члена Чехословацкой коммунистической партии. Иван Малек — академик, лауреат Государственной премии, ученый-микробиолог, возглавляющий биологическую науку в Чехословакии.

«...Овладевать основами мичуринской творческой биологии и принципами материалистической павловской физиологии,— читаю я дальше.— Основы научной биологической работы чехословацкие ученые будут осваивать в связи с опытом советской науки...»

Для этого и собрались сегодня чехословацкие биологи.

Выступает академик Вольф. Он говорит о прогрессивных традициях отечественной науки. Чехословацким биологам есть что вспомнить, обращаясь к истории науки. Был великий физиолог Прохазка — один из основателей учения о рефлексах, автор учебника по физиологии, широко распространенного в начале прошлого века. Этот учебник переводили на русский язык. Прохазка оставил глубокий след в истории физиологии.

Были и другие ученые, работавшие в различных отраслях биологической науки. Не многим довелось жить и творить в своей стране: родину поработили иностранные захватчики, угнетавшие чешскую и словацкую культуру. Но научная мысль в стране не замирала.

Из далекого прошлого шагнул в биологическую науку народно-демократической Чехословакии Франтишек Студничка. На протяжении полувека он представлял перед всем миром прогрессивное направление в чехословацкой биологической науке, отстаивая передовое учение о строении и развитии животных организмов. В начале XX столетия, когда в чистый поток дарвинизма хлынула мутная волна идеалистических извращений, Студничка твердо стал на защиту материалистического направления в науке. Против учения о развитии мира животных и растений были выдвинуты хитрые измышления о клетке как неизменной основе строения живых тел, о неизменной наследственности, присущей будто бы живым телам. Это были выдумки вейсманистов, вирховианцев, прикрытые шелухой наукообразной терминологии.

К числу немногих передовых ученых мира, выступавших в защиту идеи развития от натиска вейсманизма и вирховианства, примкнул стихийный материалист Франтишек Студничка.

На торжественном открытии Чехословацкой Академии наук ученых приветствовал Антонин Запотоцкий.

Советские биологи хорошо знают его капитальный труд «Организация живой массы». В нем слышался грубоватый, мужественный голос стихийного биолога-материалиста. Оснащая текст безыскусственными рисунками и схемами, но опираясь на бесспорные факты, Студничка утверждал материалистическую идею: организм — это не только клетки и не собрание хромосом, а целостное, единое живое тело, в котором все полноценно: и клетки, и все клеточные и неклеточные структуры, и межклеточные вещества.

Этот труд и дал повод О. Б. Лепешинской сказать в своей монографии о происхождении клеток из живого вещества, что Студничка «рассматривает проблему строения живых тел с точки зрения необходимости изучения развития живого вещества».

Студничка был на грани одного из крупнейших обобщений нашего времени. Он вплотную подошел к идее развития клеток из живого вещества. Он подошел к этой идее, когда говорил об экзоплазме — живом веществе, порождаемом клетками. Однако сказать, что не только клетки порождают живое вещество, но и оно само при определенных условиях порождает клетки, Студничка не решился. Для такого обобщения стихийный материализм был недостаточен. Такое обобщение было сделано советским ученым, вооруженным диалектическим материализмом.

— Ольга Борисовна упоминает меня в своей книге,— говорит Студничка, и в его голосе слышится гордость за то, что в решении одного из труднейших вопросов биологии он шел параллельно с выдающимся советским исследователем.

Мы навестили Студничку в его квартире. Он стар и слаб. Ему 82 года. Профессор ходит по комнате, одной рукой опираясь на палку, другой — на плечо жены. Ученый уже плохо видит. Глаза закрывают очки, обмотанные на перекладине толстой ниткой — по-стариковски, чтобы не натирало переносицу. Когда загорается свет, жена бережно прилаживает Студничке над глазами темный козырек. Но в светлых старческих глазах за стеклами очков ясная, нетускнеющая мысль, неугасимое пламя страстного и смелого творческого воображения.

Последняя книга прославленного биолога — «Введение в плазматологию» — вышла вторым изданием всего несколько месяцев тому назад. Он начал работу над ней еще во времена буржуазной республики. Работал в одиночку — один против общепринятых мнений, подкреплявшихся дутыми авторитетами, один против всей вирховско-вейсмановской лженауки.

Голоса советских биологов в ту пору еще не доходили до стен Пражского университета. Кучка политических проходимцев, пробравшихся к власти, делала все возможное, чтобы в страну, освобожденную советскими войсками, не проникала советская культура, передовая материалистическая наука. На кафедрах хозяйничали люди, раболепствовавшие перед американской лженаукой. Вейсманизм-морганизм, вирховианство цвели пышным цветом — это была опора буржуазной идеологии.

В вузах Чехословакии, как и во всех вузах Европы и Америки, пробавлялись сказками о непостижимой сущности живых тел. Методически, с настойчивостью маниаков лжеученые проповедовали бессилие человека перед слепыми силами природы.

Франтишек Студничка трудился, игнорируя эти бредни, смело развивая свои идеи, идущие вразрез с общепринятыми мнениями.

Февраль 1948 года, принесший стране освобождение от агентов американских империалистов, толкавших Чехословакию на путь капитализма, прошел для ученого незаметно. Политика не имеет отношения к науке, так думал Студничка, представляя свой труд в Академию наук.

Работа была напечатана. Профессор проводил каникулы в Доме работников науки имени Пуркинье в Либлицах, когда ему сообщили весть, потрясшую его:

— Ваша работа, профессор Студничка, удостоена Государственной премии. От души поздравляем с высокой наградой.

Он слушал, не понимая: «Какая работа?» Потом засмеялся:

— Забавная шутка — Государственная премия за «Введение в плазматологию»! Какое значение для государства может иметь плазматология — наука о живом веществе? Что ж, я не так еще стар, чтобы не понимать шуток. Как не шутка? Государственная

В Доме работников науки имени Яна Пуркинье в дни открытия Чехословацкой Академии наук встретились ученые многих стран. На снимке: член-корреспондент Академии наук СССР П. А. Баранов, президент Немецкой Академии наук профессор Вальтер Фридрих и лауреат Государственной премии Чехословакии академик Иван Малек.

премия? Мне? Значит, и мой труд нужен народу?

Он провел весь день в смятении. Вот когда начали раскрываться его глаза на весь окружающий мир, на все, что раньше выражалось одним словом: «политика».

Я слышал рассказ об этом событии от профессора Ладислава Штолла.

— Крупный ученый, стихийный материалист, Студничка прожил долгую жизнь, никому не известный, никем не замечаемый, кроме небольшой группы специалистов,— говорил Штолл. — На склоне лет пришло всенародное признание. Студничка — народный ученый. Вот когда он — впервые в жизни — начал интересоваться политикой, понял, что политика коммунистической партии — это политика, выражающая интересы народа.

Студничка потребовал себе книги о рабочем движении, о социализме. Читал, не отрываясь, сколько позволяли его больные глаза. Читал жадно, нетерпеливо, сетуя на слабое зрение. Ученый хотел знать все о людях, которых заинтересовала его наука.

После февраля 1948 года в Чехословакии наконец стали появляться советские книги, открывшие новый мир, с передовым общественным строем, передовой материалистической наукой, социалистической культурой. Этот новый мир открылся и перед Франтишеком Студничкой. То, что он еще сам не сделал, выполняют сейчас в Чехословакии его ученики, опираясь на опыт советской науки.

— ...Восемьдесят два года,— с оттенком горечи произносит Студничка.

— Ровно столько же, сколько и Ольге Борисовне Лепешинской,— говорю я ему.

— Нет, много больше, — качает головой Студничка.— Она прожила тридцать пять лет там, где ученые перестают замечать тяжесть возраста.

Это время пришло и в его страну. Внимание и забота народа осветили старость ученого. Он уже не чувствует себя одиноким.

Чехословацкий народ бережно поддерживает и развивает все прогрессивное, что когда-то стихийно возникало в науке о природе и чахло в условиях капиталистической действительности. Профессор Студничка, как и все ученые Чехословакии, уверен в прекрасном будущем своей науки. Оно в крепких, надежных руках.

* * *

Брно. Главный город Моравии, древнего славянского государства, сложившегося тысячу лет назад в долине реки Моравы и с незапамятных времен вошедшего в братскую семью чешского и словацкого народов.

Мы шагаем по площади знаменитого в былое время монастыря ордена августинцев. Хмурый зимний день. Готические, островерхие крыши огромного собора запорошило снегом. Черные вороны зябко жмутся друг к другу на заиндевевших крестах.

Нас пригласили внутрь собора. Свет, с трудом пробивавшийся сквозь занесенные снегом окна, не рассеивал, а словно сгущал мрак, застывший над холодными каменными плитами пола. От потертых стен веяло запустением.

— А где же менделевский огород? — спросили мы нашего спутника.

— Там, за монастырем.

Мы вошли во двор. Да, действительно, это было место, где около ста лет назад августинский монах Грегор Мендель разводил горох, чтобы понять, как внешние признаки горошин воспроизводятся в потомстве, — место столь основательно и заслуженно забытое теперь. Двор как двор — небольшая площадка, куда с четырех сторон глядят темные окна. Такой она изображена во всех биографиях Менделя. Но от огорода уже ничего не осталось.

На площади, перед монастырем, памятник Менделю. Белая фигура монаха обратила к площади равнодушное бритое лицо с тонкими, поджатыми губами.

— А где же надпись? — спросили мы, разглядывая пьедестал.

— Надписи нет, — ответил проводник, улыбаясь. — Когда памятник поставили, возник спор, кем считать Менделя, чехом или австрийцем. А теперь это уже никому не интересно.

Да, личность настоятеля августинского монастыря перестала вызывать какой-либо интерес. Все, что Мендель пытался внести в науку, чтобы направить ее развитие по ложному пути, навсегда утратило значение для познания природы. Моргановское учение о неизменной наследственности, выросшее на менделевских, по выражению Мичурина, «гороховых законах», разоблачено как антинаучное измышление и выброшено на свалку истории науки.

Уже не существует больше вопроса, могут ли организмы наследовать приобретенные свойства. Вопрос решен окончательно и бесповоротно опытами Мичурина и мичуринцев. Это решение навсегда вошло в золотой фонд науки. Исследованию подлежат теперь закономерности наследования тех или иных свойств, приобретаемых различными организмами под влиянием различных условий жизни.

...Доктор Гашек руководит лабораторией экспериментальной биологии Центрального биологического института Чехословацкой Академии наук. Под его руководством осуществляются работы, посвященные проблемам наследования животными свойств, приобретенных их родителями.

Исходная идея была подсказана чехословацкому ученому опытами Мичурина и мичуринцев по вегетативной гибридизации.

Мичурин доказал, что наследственность у растений можно создавать не только путем обычного скрещивания, с помощью оплодотворения цветка одного растения пыльцой другого, но и путем сращивания двух растительных организмов, путем прививки одного растения на другое. Этот новый метод скрещивания — вегетативная гибридизация — давал изумительные результаты. С помощью вегетативной гибридизации — скрещивания груши и яблони — Мичурин создал свой замечательный сорт яблок «Ренет бергамотный», сочетающий свойства яблока и груши. В трудах последователей Мичурина метод вегетативной гибридизации стал могучим средством направленного изменения наследственности. Сращивание с другим организмом меняет самое важное свойство живого тела — обмен веществ.

Советская биологическая наука учит: измените обмен веществ, и вы получите изменение наследственности!

В мире растений это положение блестяще подтверждено опытами академика Т. Д. Лысенко и его последователей. А животные организмы? Возможно ли изменять и их наследственность не обычным скрещиванием, а путем сращивания, путем вегетативной гибридизации?

Опытов было сделано много и самых разнообразных. Сращивали молодых животных разных пород или взаимно переливали кровь — это ведь тоже путь изменения обмена веществ. Переливали белок из яйца птицы одной породы в яйцо другой. Выполнялись и более сложные эксперименты. Самые замечательные из них — опыты по сращиванию птичьих яиц во время инкубации. Методику такого опыта предложил советский ученый профессор Фердинандов.

Концы яиц от кур разных пород отпиливали тонкой пилкой. Обпиленные яйца складывали так, что белок одного соприкасался с белком другого, — и замазывали края распила парафином. Получалось как бы одно яйцо с общим белком, общей скорлупой и двумя зародышами, которые должны были развиваться в тесном контакте. Следовало ожидать, что наследственность эмбрионов подвергнется изменению у обоих партнеров. И все же при таком способе гибридизации экспериментаторы не так уж часто достигали видимых глазу заметных изменений. Почему?

— Недостаточная связь, — сказал доктор Гашек, рассматривая цыплят, вылупившихся из сращенных таким способом яиц.— Усилить эту связь — такова задача.

Он долго думал над методикой нового опыта. Задача была ясна: требовалось укрепить связь между самими организмами, развивающимися в общей скорлупе, усилить обмен веществ между ними. Эмбрионы были только близкими соседями, а требовалось сделать их сожителями в буквальном смысле этого слова — существами, живущими одной жизнью, питаемыми общей кровью. Как это сделать? Ученый решил прибегнуть к искусственному устройству общего кровотока.

Доктор Гашек предложил соединять яйца не перед инкубацией, а спустя 7—8 дней после того, как они уже полежали в инкубаторе. При этом производится небольшая операция сращивания кровеносной сети зародышей. В результате кровь свободно переходит из тела одного зародыша в тело другого.

— Посмотрите этот снимок, — говорит доктор Гашек.

Я рассматриваю на свет цветной диапозитив. Два цыпленка. Один рыжий, другой белый. Род-айланд и леггорн, разводимые на всех птицефермах нашей страны, — мясная и яйценосная породы, свойства которых на протяжении многих лет пытаются объединить.

— Посмотрите на их головы, — говорит доктор Гашек.

Я вглядываюсь. Голова цыпленка род-айланда изменена. Она уже не рыжего, а белого цвета. Голова леггорна оказалась на туловище род-айланда.

— Результат сращивания яиц по нашему методу, — поясняет доктор Гашек.

Так действует могучий закон формирования наследственности под влиянием измененного обмена веществ.

Я видел и другие опыты. В лаборатории профессора Секла на кафедре биологии Пражского университета мне показывали сращенных крыс — рыжих и серых, отличающихся невосприимчивостью к раковой болезни. Профессор Секла хочет получить животных, которые приобрели бы наследственную устойчивость против рака. Каким образом? Путем сращивания рыжих крыс с серыми, обладающими такой устойчивостью.

И он добьется успеха.

Мичуринская наука открыла путь к тайникам жизни, которые в течение многих лет господства вейсманизма-морганизма считались недоступными для исследования. Там обреталась бессмертная, неизменная, непостижимая наследственность, какой ее изображала менделевско-моргановская лженаука. И вот ученый изменяет наследственность организма по своему усмотрению. Такова сила передовой, материалистической советской науки, нашедшей своих последователей во всех странах, вступивших на путь социализма.

ЛЕНЯ

Рассказ

Г. ФЕДОРОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Поезд явно опаздывал. Над снежными полями, в перелесках, мимо которых мы ехали, уже стало синеть, а до нашей станции было еще далеко. Мой спутник, фотокорреспондент областной газеты, все мрачнее и мрачнее поглядывал в полузамерзшее окно и поминутно вздыхал:

— Нет, ничего уж сегодня не снимешь, пропал день.

Мы ехали в известный колхоз имени Сталина, где должны были состояться районные лыжные соревнования. Лыжная команда этого колхоза славилась на всю область, и мне было понятно желание моего спутника «нащелкать» как можно больше интересных кадров. Но с паровозом что-то случилось, часа два мы стояли среди голого снежного поля, выбились из расписания и теперь тащились, как черепаха.

Было уже совсем темно, когда мы наконец добрались до станции. Перед небольшим деревянным вокзалом, прижавшимся к самым деревьям редкого соснового леса, вдоль узкого деревянного перрона, засыпанного снегом, ярко горели электрические фонари. И в их свете с пухлых крыш вокзала и приземистых длинных пакгаузов длинными волнистыми хвостами летел мелкий пушистый снег.

— Только этого еще не хватало! — проворчал мой спутник, пряча лицо от злого, колючего ветра. — Как раз к ночи метель!

Действительно, было от чего расстроиться. До колхоза нам предстояло проехать на лошадях больше двадцати километров. А ветер на глазах передувал дорогу, было холодно и после теплого вагона как-то особенно неуютно.

Но делать было нечего, не ночевать же на станции! И мы пошли искать подводу, которую должны были выслать за нами из колхоза.

За вокзальчиком, около утонувшего в сугробах палисада, мы увидели лошадь, запряженную в небольшую кошевку, и маленькую съежившуюся фигурку человека, стоявшего около кошевки. Фигурка была закутана в кургузый тулупчик и, может быть, от этого рядом с рослой гнедой лошадью, тоже покрытой тулупом, казалась еще меньше.

Увидев нас, человек высунул из воротника тулупа озябшее лицо и неожиданно звонким, веселым мальчишеским голосом спросил:

— Вы не в Сталинский колхоз? — И узнав, что мы именно те, за кем он приехал, заторопил нас: — Давайте, давайте, садитесь скорее. Ласточка замерзла.

Когда он подошел ближе к фонарю, я увидел, что это совсем еще подросток. У него было узкое курносое лицо с ребячьей простодушной улыбкой, светлые большие глаза, смотревшие открыто, доверчиво, с каким-то внутренним негаснущим веселым огоньком.

Он быстро снял с лошади тулуп, погладил ее по вздрагивавшей спине и негромко добродушно сказал:

— Ничего, ничего, дурашка. Сейчас на ходу нагреешься. Надевайте вот тулупы, промерзнете, — обратился он к нам.— Я ведь вас с трех часов жду. Иван Данилыч говорит: «Поезжай пораньше, вдруг с каким другим поездом приедут, чтобы им ждать не пришлось». А вы вон как запоздали!

Разговаривая, он все время двигался: поправлял упряжку, взбивал слежавшееся сено в кошевке. Было что-то необыкновенно милое, приятное в его веселом взгляде, в звонком голосе, в улыбке, которая все время мелькала на его полудетских пухлых губах. Как-то невольно становилось легко, весело от его звенящего, как ручей, голоса, и даже метель не казалась уже такой холодной и неуютной.

— А ты не боишься один на лошади ездить? — спросил мой спутник, с любопытством оглядывая паренька.

— А чего? — удивился тот. — Я уж третий год езжу. Когда дядя Митрий захворал — а как раз надо было на станцию за агрономом, — Иван Данилыч и говорит: «Поезжай, Леня». С тех пор и езжу. Как куда надо, — меня. На Ласточке вот хорошо ездить. Смирная. А на Урагане, на том побаиваюсь: кусается, старый бес! Ну, можно трогать? Вы воротники-то поднимите, не так будет дуть.

Он как-то боком на ходу сунулся на облучок и, пошевелив вожжами, негромко крикнул:

— Ну, Ласточка, ну... пошевеливай... красотка!

И, словно понимая его голос, лошадь тихонько и коротко заржала.

Леня, не закрываясь от ветра, дувшего сбоку, сидел, свесив ноги, то и дело поворачивался к нам и говорил без умолку, не обращая внимания на летевший в лицо снег:

— Вы, значит, лыжников снимать? К нам со всего района съехались. Еле-еле разместили всех-то. Я через Марьину гору ехал, так они там все, как овчиной, покрыли. И снега не видать. После войны лыжников у нас много стало.

— А ты сам в соревнованиях не участвуешь? — спросил я.

Леня засмеялся и махнул рукой:

— Ну, куда мне! Тут каждый день тренироваться надо. А мне недосуг. Мне от лошадей отойти нельзя. И езды много. Я вот сегодня утром в райисполком с Иваном Данилычем съездил, а теперь за вами на станцию.

Выехав за поселок, примыкавший к станции, мы очутились в открытом поле, затянутом мутной снежной пеленой. Ветер здесь дул сильнее, бросая нам в сани сухой и мелкий, как речной песок, снег. Из тулупа я видел только Леню да покачивающийся круп лошади с отлетающим в сторону хвостом.

На дороге уже образовались увалистые передувы, и сани стали нырять, как лодка на волнах.

— Но-но! — покрикивал Леня на Ласточку.

Сани неожиданно вздернулись передком вверх, повалились набок, чуть не выбросив нас. Но Леня мгновенно спрыгнул, ловко поддержал сани плечом и так же легко и уверенно вскочил обратно на облучок.

— Осенью тут канаву копали, болото осушали, — объяснил он нам, — вот ухаб и остался. Мостик бы надо сделать, — добавил он деловито.

— Учишься? — спросил я Леню.

— Семилетку кончил. А сейчас некогда, работы много.

И, обернувшись, наклонившись ко мне, с простодушной гордостью сказал:

— Меня лошади любят. На ферме у меня восемь жеребят на воспитании. Вот завтра приходите, покажу: один к одному, как мячики.

Но тут же повернулся, привстал на облучке и другим тоном произнес:

— Держитесь, тут крутенько.

Лошадь и сани нырнули куда-то вниз, нас тряхнуло, задремавший корреспондент проснулся и испуганно спросил:

— Куда это мы?

— Ничего, ничего, — успокоил его Леня. — Тут по озеру поедем. Дорога гладкая. И не так дует.

Действительно, за высоким, чуть темневшим слева берегом стало тихо.

— Но, но, Ласточка! — весело крикнул Леня. — Покачивай!

И опять лошадь, точно откликаясь, негромко и коротко заржала.

— Хорошая лошадка, умница! — с гордостью заметил Леня.— Все понимает. В третьем году мы ее на рысистые испытания посылали. Третье место взяла. Ну, а теперь старовато дело. И опять же езды много.

В затишье по гладкой, укатанной дороге ехать было хорошо, кошевка точно плыла в белесой мгле. В тулупе было тепло и невольно клонило ко сну. Но Леня не давал заснуть. Он вертелся на облучке, то поглядывая на дорогу, то покрикивая на Ласточку, и без устали говорил.

Мимоходом с простодушной откровенностью он рассказал свою несложную биографию. Ему пошел уже шестнадцатый год. Отец его погиб на войне. Леня остался с матерью да двумя маленькими сестренками. Обе они учатся. Леня — хозяин. Мать, конечно, тоже работает, но на нее надежда плохая.

— Она у меня слабосильная, хворает часто. В прошлом году только сто восемьдесят трудодней заработала.

— А ты?

— А я четыреста!

И чем больше рассказывал Леня, тем яснее было, что это не подросток, а взрослый человек, настоящий работник, который уже прочно, обеими ногами стоит на земле.

Озеро кончилось, и мы въехали в большую деревню. Потянулась длинная улица с яркими полосами света, падавшего из окон домов. На свету было видно, что снег, летевший над землей, стал гуще, плотнее; начиналась настоящая метель. Я осторожно заметил, что нам, может быть, лучше заночевать в деревне, но Леня уверенно сказал:

— Доедем. Не впервой.

Около сельмага с тусклым пятном света перед входом стояли груженые подводы и две полуторки, еле различимые за зыбкой пеленой снега. Оттуда доносились человеческие голоса:

— Эй! Эй!..

От машин отделилась человеческая фигура. Кто-то бежал к нам, размахивая руками:

— Погоди! Эй...

Леня остановился и звонко крикнул:

— Ты, что ли, Степанко?

— А-а, Лексейко! — сказал подбежавший мужчина, серый от снега. — Как там? Здорово передуло?

— Да, есть.

— Проедем на машинах?

— Проедете, — уверенно ответил Леня. — Только за озером на тракт берите: в канаве засядете.

— Да это уже ясно, — сказал мужчина. — А ты домой?

— Фотографов везу, — ответил Леня.

— На соревнования, что ли? — спросил мужчина. И, не дождавшись ответа, сказал: — За Сокерновом, гляди, суметно, все вешки задуло.

— Ничего, увижу. А вы в город? — спросил Леня.

— В МТС. Да вот боимся не застрять бы, — ответил мужчина.

— Не застрянете. Только не больно задерживайтесь здесь... Вон какая метет!

— В позапрошлом месяце Степанко-то неделю в поле с машиной сидел, — сообщил мне Леня, когда мы поехали дальше. — Вот и опасается. Ну, тогда метель была! Ой-ой! Я тоже чуть живой доехал.

Он оживился еще больше и, повернув ко мне лицо с блестящими искорками в глазах, воскликнул:

— Вот мело!.. Ну, мело! Сейчас что! Передувает маленько. А тогда, говорят, в соседней деревне крайние избы до крыш завалило, откапывать пришлось. А я так же со станции ехал, доктора вез к нам в родильный дом. У нас, понимаешь, как раз Поля Внукова родить собралась,— доверительно сообщил Леня. — Трое суток маялась. Иван Данилыч тогда доктора из области вызвал. Профессора Крапивина. Может, знаете?

Я хорошо знал Крапивина, здорового, рослого мужчину, про которого в городе рассказывали, что он двухпудовую гирю выжимает рукой десять раз.

— Вот я его и вез. Здоровый дяденька! Еле в кошевку поместился. Выехали мы еще засветло, а уж мело здорово. Профессор этот еще все беспокоился. Смотри, говорит, Лексейка, не застрять бы нам. А то, говорит, придется мне тебя вместе с лошадью на руках нести. Конечно, нам бы надо погодить, да нельзя! Ведь Поля-то мается. И доктор этот все время беспокоится. Ты, говорит, не понимаешь — тут сразу две жизни могут погибнуть. Ну и поехали. Сейчас что! Пустяки. А тогда зги не видать, лошадиного хвоста не видно. Да и морозно было. Градусов, наверно, тридцать. Да при ветре. Я еду, еду да профессора погляжу. А он в кошевке, как снежная гора, сидит. Вот, думаю, поморозится еще... Я его нарочно тормошу. Не засыпайте, говорю, товарищ профессор. Даже нет-нет, да легонько ткну его кулаком. Два раза я его даже из саней высаживал, чтобы он маленько пробежался. Всю ночь мы с ним маялись, раза три дорогу теряли. Я думал, совсем пропадем. Ну, все же доехали. Ничего. Благополучно кончилось. Профессор отогрелся немного и помог Поле Внуковой. Парнишку она родила. Алексеем назвали.

Леня широко улыбнулся и, повернувшись к лошади, весело крикнул:

— Но-но, Ласточка! Сокерново скоро...

За деревней Сокерново, о которой говорил шофер Степан, ветер дул, как в трубе. Мы точно растворились в метели. Уж не стало видно не только лошади, но и Лени. Он притих и то и дело привставал на облучке, вглядываясь в дорогу.

— Ну метет, ну метет! — ворчал он, и веселые нотки в его голосе исчезли.

Я закутался с головой в тулуп. И хоть было душно, но летевший прямо в лицо снег не давал, как говорится, высунуть носа. Сани пошли тише, неровными толчками, то поднимались, то кренились набок. Дорога как будто совсем пропала. Но Леня, очевидно, все же ухитрялся что-то разглядеть впереди. Изредка я слышал его голос, когда он негромко разговаривал с Ласточкой:

— Но-но, не бойся, не бойся... Вон вешка торчит... Вытягивай!

Тяжелой волной накатывала дрема, но сейчас же начинали стыть ноги, и я настойчиво

Стихи Джанни Родари в переводах С. Маршака

ДАЛЕКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Хочу я по всей прокатиться планете,
Разведать, что делают дети на свете,
Как их зовут,
Хорошо ли живут.
Выяснить надо, кто учится в школе,
Справиться, школа у них далеко ли,
Как их здоровье, сколько им лет,
Есть ли у папы работа иль нет.

Кто поправляет на них одеяльце?
Кто им лекарство с вареньем дает?
Кто погрозит им рукой, если пальцы
Вдруг по привычке возьмут они в рот?
Кто говорит им: «Какой ты лохматый!»,—
Гребнем пытаясь пригладить вихор?
Кто терпеливо им ставит заплаты,
Если порвутся штаны о забор?

Я бы хотел поскорей убедиться,
Кто из детей темноты не боится.
Есть ли всегда в изголовье ребят
Радостный сон наготове?
Кто их, когда они долго не спят,
За́ руку держит с любовью?
Кто говорит им, что тень на полу
Только от платьев, висящих в углу?

Так обойду я
Все страны на свете.
Детям скажу я:
— Здравствуйте, дети,
Белые, желтые, красные, черные,
Дети степные, лесные и горные,
Дети Турина, ребята Берлина,
Веселые дети Москвы и Пекина,

Печальные дети рассветной страны —
Живые цветы под косою войны.

Каков бы он ни был, волос ваших цвет,
Детям мира — привет!

Джанни (Джованни) Родари — известный в Италии поэт-коммунист, редактор газеты «Пионьере».

МАТЕРИ НЕ МОГУТ СПАТЬ

Здравствуйте, дети далекой Кореи —
Дети всех на земле матерей!
Матери мира не могут спать.
С трепетом слышит каждая мать
Плач из-за гор и морей.
Ваша боль —
Это боль матерей.
Ваша кровь —
Это кровь матерей.
Каждая бомба, каждый снаряд,
Мир обагрившие кровью ребят,
Ранят осколком каждую мать.
Матери мира не могут спать.
Слышите крик материнских сердец:
— Бойне скорей положите конец!
Бойне корейской — конец!

ЧИСТИЛЬЩИК САПОГ

Вот чистильщик сапог.
Он снизу видит свет.
Знакомство он заводит с ног
И знает ваш секрет.

К нему подходит, например,
Степенный кавалер.
Как будто с виду он и горд,
Но каблучок его потерт...
Видать, пенсионер!

А вот и школьный педагог.
Солиден он на вид,
Но дырка в каждом из сапог
О многом говорит.

Чиновник выдал свой секрет,
Почистив башмаки.
На них живого места нет.
Остались гвозди прежних лет
Да старые шнурки.

В душе у чистильщика страх:
А вдруг рассыплются в руках
Ботинки в пыль и прах?

На перекрестке двух дорог
Сидит он — чистильщик сапог —
И знает, бросив беглый взгляд,
В какой зачислить вас разряд.

Вот пара лаковых штиблет,
Слепит глаза их яркий свет.
Они свои проводят дни
В кафе — в прохладе и в тени,
Где лед мерцает в хрустале
На мраморном столе.

А эта армия сапог
Шагает по камням дорог.
Пусть сапоги запылены,
Шаги достоинства полны,
Хоть нет нестоптанных сапог
На сотню ног!

ВПОЛГОЛОСА

Это тихий, тихий стих,
Тише всех стихов других.

Кто по городу ночному
Держит путь от дома к дому?

Верно, принц уснуть не может —
Шум листвы его тревожит?

Иль во тьме разносят феи
Всем билеты лотереи?

Или, может быть, не спит
Тот, чей зуб всю ночь болит?

Нет, шагает вперевалку
Старый сторож с толстой палкой.

Он один не спит в квартале,
Чтоб другие крепко спали.

гнал сон. Я несколько раз будил своего спутника, беззаботно храпевшего в тулупе.

— Да вы не бойтесь, сейчас не морозно, пускай спит, — советовал Леня.

Раза три он останавливал сани, спрыгивал и, не выпуская из рук вожжей, пропадал в метели. Возвращался, садился на облучок и бодро покрикивал:

— Но-но, шевелись, Ласточка! Бери немного правее.

И сани медленно, переваливаясь, тащились дальше. Мне было неловко, угнетало смутное чувство стыда перед Леней. Когда лошадь останавливалась, я тоже пытался выбраться из саней, но Леня строго говорил мне:

— Нет, вы уж не отходите никуда. В такой пурге пропасть ничего не стоит. Шаг шагнете, а потом вас и не отыщешь.

Сколько мы ехали, не знаю, время словно остановилось, и минутами мне казалось, что мы барахтаемся в снежных вихрях очень давно, может, целые годы и никогда уж никуда не приедем.

Но мы приехали. Неожиданно я почувствовал, что сани пошли ровнее и быстрее. Голос Лени повеселел. С прежней уверенностью и лаской он покрикивал:

— Шагай, шагай, милашка! Теперь уж недалеко осталось. Левей, левей бери!

И лошадь, как будто понимая его слова, начинала даже трусить, звучно екая селезенкой.

Успокоившись, я начал дремать. Мне все казалось, что мы едем куда-то назад, под гору, или заворачиваем то вправо, то влево. Скорее чутьем я понял, что ветер стал тише, и выглянул из тулупа. Впереди смутно проглядывал какой-то свет.

— Вот и наш колхоз, — сказал Леня, шагавший рядом с санями. Он вскочил на облучок и, махнув рукой, крикнул: — Ну, давай, давай напоследок!

Но Ласточку уже не надо было понукать: она тоже почуяла близость дома и прибавила ходу.

Среди жилья стало совсем тихо, как будто метель отступилась от нас. Приветливо светились окна в домах, на улице двигались прохожие и, как тени, скользили одинокие фигуры лыжников.

Через пять минут мы подъехали к невысокому новому дому правления колхоза.

— Стой, приехали! — радостно сказал Леня и стал будить моего спутника.

В правлении было людно, приятно пахло теплом и махоркой. Яркий свет электричества слепил нас, закоченевшие руки не слушались.

— Неужели приехали? — удивился и обрадовался председатель колхоза, рослый, плотный мужчина в полувоенной гимнастерке. — А я думал, вы в Сокернове заночуете.

— А где же Леня-то? — озабоченно спросила молодая, румяная, черноглазая женщина, сидевшая около стола.

В эту минуту вошел Леня, еще весь в снегу, с красным, как кумач, лицом.

— Здравствуйте, — негромко сказал он, поморгав от света. — Привез, Иван Данилыч.

— Ленечка! — кинулась к нему женщина. — Замерз, наверно, совсем!

Леня смутился и как-то неловко отмахнулся:

— Ничего! Отогреюсь. Мне можно на конный ехать, Иван Данилыч?

— Да ты хоть погрейся, — предложил председатель.

— Ничего, — все так же неловко ответил Леня. — Ласточку надо поскорее распрячь... Устала. Дорога-то уж очень плохая.

— Ну что за парень! — воскликнула женщина, все еще глядя на дверь, за которой скрылся наш возница. — Ведь он меня от смерти, можно сказать, спас. — И женщина стала рассказывать уже известную нам историю с родами и профессором.— Чуть сам не погиб, а меня спас. Да и профессор без него погиб бы. Хоть здоровый мужчина, а с непривычки размяк. Леня его уж своим тулупом накрыл, как за малым дитем, ухаживал. А сам всю ночь в пальтишке был, ноги себе отморозил, два пальца у него потом отнять пришлось. Не рассказывал он вам? Век его буду помнить.

Утром, когда я вышел на улицу, я увидел светлое небо, чуть затянутое белесой дымкой. Под неярким солнцем блестел свежий, чистый снег, лежавший пухлыми шапками. По колхозной улице резво бежала статная гнедая кобыла, запряженная в знакомую кошевку. В ней сидел Леня.

Увидев меня, он немного придержал лошадь.

— С добрым утром! — звонко крикнул он.— А я в город! За инструктором еду!

Он шевельнул вожжами, и Ласточка, красиво выгибая шею с короткой стриженой гривой, помчалась дальше.

Девушка из Барселоны

Делия показывает подругам костюм, в котором будет выступать на вечере художественной самодеятельности в своем институте.

Фото И. Фетисова.

На площадке ленинградского трамвая девушка и трое юношей оживленно разговаривали между собой. Их смуглые лица, темпераментная речь напомнили вдруг далекую Барселону, где довелось мне побывать в годы героической борьбы испанского народа...

Наш пароход «Амга», стоявший тогда в барселонском порту, только что принял на борт детей. На пристани собралась толпа провожавших: здесь были матери, отцы, братья, сестры маленьких испанцев, направлявшихся в Советский Союз.

Делия и ее подруга Фелипа в кабинете физической географии.

— Убрать трап! — распорядился капитан.

Толпа на пристани колыхнулась.

И в ту же минуту мы увидели женщину, бежавшую по направлению к причалу. Немного отстав от нее, бежала девочка лет восьми.

Женщина махала большим красным платком и кричала:

— Комрад, комрад, совьет маринос!

Схватив девочку за руку, женщина пробежала сквозь расступившуюся перед ней толпу.

— Встречайте, вахтенный помощник,— сказал мне капитан.

Я поспешно спустился вниз. Мне не забыть бледное молодое лицо женщины, ее жгуче-черные волосы, развеваемые ветром, широко раскрытые глаза. Она взяла за плечи едва стоявшую на ногах девочку, слегка подтолкнула ее мне навстречу и заговорила быстро, заливаясь слезами:

— Возьмите моего ребенка... Ее отца убили в Мадриде... Я только что узнала об этом... Спасите мою Делию, мое единственное дитя!..

Она крепко поцеловала дочку, подняла ее на руки и передала мне. Потом она накинула мне на шею свой красный платок и попрощалась со мной. Очень взволнованный, я поднялся наверх.

Шум на причале усилился. Словно стая птиц, взвились платки над головами провожающих; с палубы в ответ замахали сотни детских рук. Мы отчалили.

...Сдав вахту, я спустился вниз. Уже смеркалось. Главная палуба почти совсем опустела, маленьких пассажиров разместили по каютам. Дети постарше все еще стояли на палубе, напряженно вглядываясь в туманные очертания исчезавшего берега.

Мне хотелось поскорее узнать, как устроилась Делия. Девочка крепко спала на верхней койке. Постояв около нее, я тихо вышел из каюты.

На другой день Делия сама разыскала меня. Она пришла в мою каюту вместе с подругами. Девочки осмотрели модели судов, фотокарточки, рисунки. Я учил своих гостей делать бумажные кораблики.

Делия заинтересовалась стоявшей на столе фотографией моего десятилетнего племянника. Она расспрашивала, где он живет, как учится, кто его родители.

Она стала моей частой гостьей. Зная испанский язык, я в свободное время подолгу с ней беседовал. С удовольствием отмечал я про себя, что ее бледное и грустное личико посвежело и повеселело. Но иногда девочка задумывалась. Однажды, увидев у меня красный платок, подаренный мне ее матерью, Делия протянула к нему руку и погладила его. В глазах ее появилось выражение недетской тоски.

— Делия, маленькая, что с тобой?

— Я вспомнила отца... Он был такой сильный, добрый, веселый... Мать осталась там совсем одна...

Я старался, насколько мог, утешить ребенка, объяснил, что отец ее пал в боях за правое дело, что и для Испании наступят счастливые дни, и тогда ее мама перестанет горевать и плакать.

В Ленинграде мы с Делией расстались.

...И вот теперь, услышав знакомую речь, я подошел к молодым людям и спросил у них по-русски:

— Вы испанцы?

— Да,— ответили они.

— Давно из Испании?

— Мы прибыли в СССР в 1937 году.

— Не на борту ли парохода «Амга»?

— Да... А откуда вы знаете?

От волнения я не сразу ответил...

Тогда эти юноши были мальчиками в коротеньких штанишках. И эта девушка... Я стал всматриваться в смуглое овальное лицо с большими темными глазами и длинными ресницами.

— Делия,— обратился я к ней.— Ведь ваше имя — Делия?

— Делия,— отвечает она; она узнала, она вспомнила меня.

Делия рассказала, что до Великой Отечественной войны она и ее товарищи жили в Ленинграде, а в 1941 году их эвакуировали в Тбилиси, где все они окончили среднюю школу.

— Я училась в педагогическом институте имени Герцена и теперь преподаю географию. Я очень люблю и свой предмет и педагогическую работу. Мои товарищи советуют мне поступить в аспирантуру, но я хочу еще поработать учителем. Жаль расставаться с учениками. И к тому же для научной работы надо запастись и жизненным и педагогическим опытом.

— Вы довольны своей жизнью, Делия?

— Очень,— улыбается Делия,— и не только я одна,— счастливы все мои товарищи. Вот Диего учится в Ленинградском университете; Хозе и Руис занимаются на последнем курсе текстильного института.

Диего добавил:

— Испанцев вы можете встретить во многих городах Советского Союза. Они работают инженерами, врачами, юристами, трудятся на фабриках и заводах.

Мы вышли на Университетскую набережную. Молодые люди наперебой рассказывали мне о своих делах, о мечтах, о своих жизненных планах.

Когда мы стали прощаться, я спросил Делию о ее матери. Девушка ответила, что письма от нее приходят редко: в этом повинна франкистская цензура.

— Моей маме живется очень трудно,— сказала Делия.— Работает она в прачечной, получает гроши. Одно меня утешает: мать не потеряла веры в светлое будущее Испании. Мне, например, известно, что, несмотря на преследования полицейских ищеек, она поставила свое имя под Стокгольмским Воззванием.

Я крепко пожал Делии руку.

— Скажите, а мамин платок у вас сохранился? — спросила девушка на прощанье.

— Да, милая Делия, я бережно его храню. Всякий раз, когда я на него гляжу, я думаю о стойком и мужественном испанском народе.

Вахтанг БАРАТАШВИЛИ

СТАРИК

Рассказ

Альфред КОППАРД

Рисунки В. Высоцкого.

Там, в деревне, женщины называли Дика «грязный старик»; дети, казалось, совсем его не замечали, а их отцы величали его «почтенный» или «старина Дик», вздыхая при этом с безотчетной завистью. Завидовать, собственно, было нечему: жил он в лесу, в убогом шалаше, кое-как собранном из сучьев, перетянутых бечевкой и покрытых брезентом, а спал на соломе. Рядом с шалашом находился очаг, и за то долгое время, что старый Дик прожил в лесу, там выросла гора золы, почти вровень с домом.

Было ему уже семьдесят лет. У «почтенного старика», одетого в лохмотья, скрюченного, опирающегося на две палки, был веселый и задорный голос, а душа неукротимая, смелая и чистая, как вода из родника, который готов поделиться последней своей каплей с последним или первым встречным, все равно. Так и старый Дик готов был всем поделиться с каждым встречным.

Когда Дик бывал пьян, он пел, а когда не был пьян, разговаривал вслух — ни о чем, ни к кому не обращаясь, потому что шалаш его стоял в лесу, на маленькой прогалине в большом лесу, и далеко вокруг не было ни одного селения. Питался он, можно сказать, воздухом и собственной добротой и тешил свое страждущее сердце надеждой. А такой человек способен надеяться нивесть на что, и сущий пустяк — какой-нибудь двухпенсовик — доставляет ему настоящее блаженство.

Однако была у него неотступная мечта, желание столь же пламенное, как и жалкое,— иметь осла. Он не раз докучал людям, которые, как он думал, могли ему помочь в этом деле; не раз выпускал он в мир из ковчега своих бедствий голубя, вестника своей мечты, но голубь не возвращался, во всяком случае, не приносил ему осла; осел так и не свалился к нему с неба внезапно, как гром в ясный день. Если бы это даже случилось, осел нисколько бы не ушибся, такой это был огромный лес, так широко протянулся он на много миль, и покрыл все холмы вокруг, и так густо разросся, что если бы вы упали с воздушного шара на верхушки деревьев, то вам в конце концов показалось бы, что вы нырнули в пуховую перину.

А лес этот был полон птицы и дичи, а также лесных сторожей. Лесникам не нравилось, что старик живет там, они считали это неправильным. Но лесники приходили и уходили, право на охоту уже приобрело какое-то коммерческое общество, а старик продолжал жить в шалаше, и новые лесники заставали его там же, где оставляли его их предшественники. Они даже пользовались его услугами: старик подметал дорожки, расчищал просеки, метил фазаньи гнезда, следил за кроликами, ласками, стаями голубей и никому не мешал их стрелять. Иногда ему удавалось заработать несколько шиллингов: он ставил плетни на фермах или выкорчевывал пни в поле. Но чаще всего он собирал хворост и развозил его на ручной тележке по окрестным деревням. Вот почему он мечтал об осле, и только об осле: животное, все четыре ноги которого короче, чем одно его ухо, возило бы на себе вдвое и втрое больше хвороста и сразу сделало бы Дика богачом.

Однажды Дика послали с каким-то поручением к главному леснику Тому Хасси, и когда старик вошел к нему в дом, Том Хасси показал ему целое семейство щенят из породы охотничьих, которых он выхаживал. По словам Тома Хасси, их родословная была такая длинная, как дышло его телеги; одна только их мать стоила пятьдесят золотых гиней, а основатель рода принадлежал самому лорду Кемоуверу, и тот не продал бы свою собаку ни за какие деньги, не променял бы ни на что, даже на английскую корону. Вот эти-то шесть щенков, только что отнятые от матери, весело повизгивали, красивые и крепкие,— все, кроме одного, который казался жалким заморышем.

— Эту сучку,— сказал Том Хасси,— придется прикончить. У нее не заживает пуповина.

— Не надо,— сказал старый Дик. Он знал толк в собаках, а не только в птицах, ягнятах и ослах.— Дай ее мне!

Том Хасси тут же отдал ему щенка, и старик отнес его к себе в шалаш, искусно перевязал холстинной тряпочкой и дал ему имя Сосси.

Ежедневно он менял повязку на брюхе Сосси (старик знал, как ходить за собаками). Щенок окреп и вырос и по ночам резво копошился в соломе рядом с Диком, и Дик, глядя на него, радовался. Они жили дружно. Рука у Дика была легкая, он удачливо расставлял сетки, а кроликов в лесу было полно. Кроме того он неутомимо выпрашивал кости и всякие объедки для своей Сосси. Он брал ее с собой повсюду и так хорошо обучил искусству повиновения, что достаточно было ему мигнуть одним глазом, и Сосси уже понимала, что от нее требуется. Примерно месяцев через шесть Дик в последний раз снял повязку и выкинул ее совсем. Теперь Сосси была здоровая, сильная, великолепная собака, ласковая, красивая, понятливая. Какая блестящая была у нее шерстка! Какой пушистый хвост! А глаза... Как много они говорили!

Вскоре после этого Том Хасси пришел както в лес пострелять голубей. В лесу всегда где-нибудь жила большая стая голубей, и когда они взлетали с деревьев, шум тысяч крыльев очень напоминал рокот морской волны. И вот пришел в лес Том Хасси и, проходя мимо шалаша, окликнул старого Дика и пожелал ему доброго утра.

— Заходи! — крикнул Дик, и Том зашел в шалаш.

Увидев собаку, он так и остолбенел. Сосси забеспокоилась, стала прыгать вокруг него и обнюхивать его карманы.

— Она, видать, голодная,— сказал Том.

— Ну, нет... Поди прочь, бессовестная!.. Нет, она не голодная, она только что сожрала целую миску костей... Поди прочь!..

Когда Том стрелял, Сосси стояла у его ноги, а затем сорвалась, как стрела, и принесла ему птицу.

— Дик, а ведь ты можешь теперь обменять собаку на осла,— сказал Том Хасси.

— Что, плохой у нее поиск, а? — весело крикнул Дик.

— Тончайший,— последовал ответ.

— Талант!

— Врожденный. Она стоит двадцать фунтов. Продашь эту сучку и получишь осла. Есть?

— Нет,— сказал, подумав, старик.— Я этого не сделаю.

— Она стоит двадцать фунтов. Хорошие деньги.

— Не возьму, я же тебе сказал.

— Продай собаку и получай осла. Это — мое последнее слово, слышишь? — сказал Том Хасси, уже уходя.

Но «почтенный» был мудрый, дальновидный и очень хитрый старик, и когда пришло время, он и Том Хасси заключили тайное соглашение. Для Тома Хасси это было бы делом весьма рискованным, если б он уже не переходил тогда на службу в другое поместье; вот почему он решился на это. С согласия Тома, Сосси тайком свели с лучшей охотничьей собакой его хозяина, очень породистой и по всем статьям равной тому кобелю лорда Кемоувера, от которого происходила Сосси. Таким образом, когда Том Хасси уехал, старый Дик остался в лесу со своей драгоценной собакой и ждал, что через несколько недель Сосси принесет ему щенков самого высокого происхождения, едва ли не лучших щенков этой породы во всей округе. Он не решался даже

подсчитать, какова их стоимость, но, во всяком случае, денег будет столько, что идея приобретения осла окажется сразу же устаревшей и жалкой. Нет, если все пойдет хорошо, жизнь его совершенно изменится. Он бросит свой противный шалаш, который очень ему надоел.

А если дела пойдут совсем замечательно, он купит лошадку, и тележку, и немного кокосовых орехов, и поездит еще по ярмаркам, и повидает еще кое-что на белом свете. Кокосовые орехи — нет ничего выгоднее для торговли. И, быть может, он еще подыщет какую-нибудь славную старушку, которая согласится поехать вместе с ним.

Эта светлая мечта озаряла теперь все его думы, он, можно сказать, жил ею, как поэт; любовно холил собаку, которая была причиной перемены в его жизни и сулила осуществление заветного желания. Единственным зловещим облаком на ясном горизонте был новый лесной сторож, совсем еще желторотый юнец, который решительно невзлюбил старика. Дик очень скоро убедился в этом, потому что новый лесник стал особенно внимательно следить за тем, что происходит поблизости от шалаша, то и дело опрокидывал силки, расставленные Диком, уносил его сети и к тому же еще жаловался всем на «грязного старика», который, вопреки закону, занимается браконьерством. И это была правда: старик в самом деле был грязен, он очень опустился и кое в чем нарушал правила охоты, потому что ему, как и всякому другому человеку, надо было чем-то набить желудок и у него кроме того была собака.

Как-то ранним утром, когда Дик разводил огонь в очаге, пришел новый лесник. Это был косоротый и косноязычный молодой парень. С ружьем подмышкой, заложив руки в карманы, лесник стоял, как столб. Некоторое время оба молчали; потом лесник сказал:

— Хорошо горит.

— Угу, и ты бы хорошо горел, — усмехнулся старик,— если бы я разрубил тебя и бросил поверх хвороста в огонь.

Целые две минуты молодой лесник ничего не отвечал; он почти задыхался от бешенства. Потом сказал:

— Ах, так! А что ты, собственно, здесь делаешь?

Старик бросил несколько щепоток чаю в жестяную банку с кипятком.

— Ты занимайся своим делом, молодой человек, а я уж как-нибудь управлюсь с моим.

— Какие такие твои дела?

«Почтенный старик» сердито посмотрел на него:

— Мои дела? Вот что я тебе скажу: мои дела только меня и касаются. Ты это поймешь позднее, я полагаю, когда у тебя молоко на губах обсохнет. Никуда от этого не денешься. Погоди, пока проживешь с мое.

— Эге,— протянул лесник,— а я не собираюсь ждать.

— Таких парней, как ты, я встречал и раньше.— Старик начал злиться не на шутку.— Тысячи таких. Ты знаешь, что случилось с последним из них?

— Умер от блошиного укуса, как можно догадаться,— последовал невозмутимый ответ.

— Он у меня полетел кувырком. И безо всякого предупреждения.— Старик ухмыльнулся, словно вспоминая.— Я ему показал! Дал такого пинка в живот, что он и свету божьего не взвидел и рухнул, аккурат как бревно. Знаешь, что я потом сделал?

— Залез к нему в карман. И спрашивать нечего.

— Ха! Ни у кого я ничего и никогда не тащил, если только это мне не принадлежало. Аккурат как бревно, говорю я тебе!

— Ладно,— протянул новый лесник, перекладывая ружье из левой руки в правую.— Меня никто не собьет с ног...

— Угу, даже древняя старушка.

— Ни один человек,— спокойно продолжал лесник,— который осмелится тронуть меня, если такой найдется.— Он начал ковырять в зубах спичкой.— Ты получил мое письмо? — добавил он уже другим, очень резким тоном.

— Какое письмо?

— Я тебе послал письмо.

— Стало быть, ты послал его с мокрой курицей. Я не получал никакого письма.

— Я знаю, что письмо у тебя, но все равно, повторяю снова. Хозяин приказывает выгнать тебя из лесу, тебя вместе с твоей собакой. Я тебе даю время на сборы, я не хочу с тобой поступать жестоко, но лучше уходи, да поживей, и ты и твоя собака.

— Что ж, мы можем уйти, коварный ты человек, можем уйти.

— Стало быть, все в порядке.

— Уйдем, когда нам вздумается. А кто будет выполнять мою работу?

— Какая еще работа?

— Гу, какая работа! — презрительно пробурчал старик.— А кто будет за всем следить? Ведь браконьеры, тысячи их, только и ждут, чтобы я уснул! Но им это не удается.

— Не думаю я, чтобы кто-нибудь мог спать в такой дыре, как эта!

— Ха, я мог бы спать, я мог бы спать так долго, что за это время мешок с картошкой успел бы сгнить! А кто тут будет убирать после бури, когда кругом все поломает? Я расчищаю тропки, расчищаю их для всех и для каждого, даже и для тебя.

— А кто тебя просил? Никто тебя не просил, мы можем обойтись без всего этого, без тебя. Ну, теперь я все сказал.

С этими словами молодой лесник пошел прочь.

— Эй! — крикнул ему вслед «почтенный старик».— Аккурат как бревно, говорю я тебе, аккурат как бревно.

И пока его враг не исчез из виду, старик продолжал напоминать ему о блистательном исходе той схватки.

Старый Дик сохранял внешне равнодушие, но был очень взволнован: он знал, что игра проиграна, что ему придется искать пристанища в другом месте. По милости судьбы удар был нанесен именно в тот момент, когда он не мог уже особенно больно задеть его. Он хотел только, чтобы Сосси успела выкормить щенят, и тогда он мог бы уехать; он уехал бы с легкой душой, отправился бы, как человек зажиточный, на своей лошадке и тележке, проехал бы через весь Йоркшайр или Оксфордшайр вместе с какой-нибудь старушкой.

Неделю спустя Сосси благополучно разрешилась девятью щенятами. Бывают чудеса — они должны случаться,— но невозможно предвидеть такое чудо: девять щенков! Они родились в шалаше подле человека, и теперь все — Дик, Сосси и девять комочков — спали вместе. Через несколько дней, когда Сосси, несмотря на усиленное питание, начала тощать, щенята были упитанные, гладкие, как шарики.

Когда им минуло семь дней, старик с утра отправился на работу — ставить плетень. Было ясное ветреное мартовское утро, и ему бросилось в глаза, что в эту раннюю пору облака были яркорозового цвета. Это сулило хороший день, хотя некоторые облака имели странные очертания — словно гусь с повернутой назад головой. Это что-то предвещало! Дрозды пели замечательно. После того как Сосси вкусно поела из одного с ним котелка, старый Дик завесил мешковиной вход в шалаш и предоставил щенков заботам матери. Он заковылял прочь: пошел на работу.

Плетень он ставил на нагорной ферме, откуда был виден его лес. В полдень, когда пришел час завтрака, Дик присел и стал смотреть вдаль на обширный суровый темнокоричневый массив, которому скоро предстояло зацвести, покрыться сказочной сеткой листвы. Прогалины и холмы покрылись пятнышками подснежников, заросли орешника были сплошь усыпаны желтыми стручками. На всем этом обширном пространстве была одна только щелка, в которую он из года в год вползал подобно улитке, но она была слишком мала, чтобы укрыть его навсегда, навсегда. Так что теперь они должны будут уйти, он и Сосси.

Совсем рядом с ним был пруд, а дальше — конюшня. Две белые лошади прилегли на клочке земли, примыкающем к ферме, а сорока наблюдала за ними с верхушки стога. Красный бык отфыркивался в воде пруда,

когда он поднимал голову и смотрел на старика, целые потоки воды стекали с его обросших шерстью губ. Бык ловко облизывал сперва одну ноздрю, потом другую, но вода все стекала с его морды одной длинной клейкой струей. Большое облако нависло надо всем, белое и спокойное, как лебедь.

Старый Дик встал и распрямился. Ветер утих. Когда наконец перевалило за полдень, Дик прекратил работу и пошел домой. На полпути в лесу он вышел на прогалину, сплошь усыпанную подснежниками. На холмике уткнувшись мордой в пышный куст цветов, лежала его собака с простреленной грудью. Старик опустился на колени подле собаки, но что он мог сделать: она уже давно была мертва. Он вспомнил, что слышал ружейный выстрел, глухой, неясный отзвук. Быть может, Сосси вышла, чтобы поразмяться, и стала охотиться на кролика, или, может быть, она оставила своих щенят, чтобы пойти к нему. Лесник убил ее, застрелил собаку бедняка. Дик ничего уже не мог сделать. Злая судьба с непостижимой быстротой разбила все его надежды.

— Конченый я теперь человек,— сказал Дик с отчаянием,— и это факт.

Он оставил собаку на месте и, гневно разговаривая сам с собой, побрел домой, к своему шалашу. Два щенка уже сдохли. У остальных был самый жалкий вид. Старик ничего не мог для них сделать, они были слишком малы, чтобы кормить их с руки, да ему и нечем было их кормить. Он выполз из шалаша и жадно припал губами к ведру с водой, стоявшему снаружи, а потом так и остался на коленях, устремив невидящий взгляд на тлеющие угли.

— Я знаю, да-да, я знаю, что можно сделать,— бормотал он, беря длинный, тяжелый топор.— Шлепнуть этой штукой пониже уха,— и никому больше не придется сбивать его с ног — ни мужчине, ни старушке. Садануть, скажу я, и конец; тут и чихнуть не успеешь, как от него останется мокрое место.

Старик со стоном воткнул топор в землю.

— Да, я теперь конченый человек, конченый, ах, ты...

Он сел, а ведро поставил между колен. Потом схватил щенка и швырнул в ведро.

— Вот твой осел,— прошептал он,— ох-ох-ох! А вот она, лошадка,— он стал кидать остальных, одного за другим,— и телега, и кокосовые орехи. А вот,— и он с яростью бросил в ведро последнего щенка,— вот твоя старая подружка. Ух!..

Спустя некоторое время старик встал и выплеснул воду вместе с утопленными щенками в кусты; стук ведра, когда он отбросил его в сторону, лишь на короткое мгновение нарушил тишину леса.

Перевела с английского
Ю. МИРСКАЯ.

ПУШКИН И ПЕТР КИРЕЕВСКИЙ

Находясь в ссылке в селе Михайловском, Псковской губернии, А. С. Пушкин вдохновлялся замечательными народными сказками и песнями. Поэт слушал их и записывал у няни своей Арины Родионовны, у крестьянских девушек, у нищих и слепцов на ярмарке. Так составилось собрание в сорок песен. Видя несомненные позднейшие искажения, Пушкин по догадке восстанавливает утраченные исполнителями подлинные слова песни.

Записал, например, Пушкин со слов певшего «Песню о сыне Сеньки Разина» такие строки:

Он штабным офицерам
не кланяется,
К губернатору под суд
нейдет.

А потом исправил:

Он боярам государевым
не кланяется,
К Астраханскому воеводе
под суд нейдет.

Когда Пушкин вернулся из ссылки в Москву, он был восторженно встречен передовой молодежью. Среди его горячих поклонников был и сын племянницы Жуковского — молчаливый, застенчивый восемнадцатилетний Петр Киреевский.

Этому юноше суждено было стать отцом русской фольклористики.

Месяцами ходил он из деревни в деревню, записывая песни и привлекая этим к себе подозрительные взгляды николаевских чиновников.

Страсть, которую Петр Васильевич Киреевский вложил в собирание памятников народной поэзии, возбудила многих писателей, которые также стали записывать песни народа. Среди них были поэты Языков, Кольцов, Шевырев, писатель Вельтман, известный впоследствии составитель толкового словаря русского языка Даль, собиратель русских пословиц профессор Московского университета Снегирев; был среди них и Гоголь.

Все они передавали свои записи главному хранителю этой сокровищницы народного творчества — П. В. Киреевскому.

Так же, как и Пушкин, П. Киреевский заботился о сохранении «прежней красоты и глубины чувства» старой песни.

Зная, что Пушкин намерен издавать русские народные песни, П. Киреевский хотел было передать великому поэту плоды своих разысканий. Однако Пушкин не смог заняться задуманным делом и сам передал свое собрание песен П. Киреевскому, о котором поэт задолго до этого сказал, что «дело находится в надежных руках Киреевского».

Кроме сорока псковских песен, в этом собрании были также оренбургские и нижегородские песни, записанные Пушкиным в 1833 году, во время путешествия по следам Пугачева.

Кровно заинтересованный в опубликовании сокровищ устной народной поэзии, Пушкин хотел написать предисловие к сборнику песен. К сожалению, этот замысел не был осуществлен. Может быть, началом работы Пушкина над этим предисловием является план статьи о русских песнях, где поэт останавливается прежде всего на ряде исторических песен. Переходя к свадебным песням, он отмечает «семейственные причины элегического их тона» и заключает план конспективной записью: «Лестница чувств».

Только в 1848 году П. Киреевскому удалось приступить к публикации находившихся в его распоряжении материалов. Закончено все издание «Песен, собранных П. В. Киреевским» лишь в наше, советское время, когда было опубликовано около двух тысяч последних песен из знаменитого собрания.

Одним из свидетельств дружеского отношения Пушкина к Петру Васильевичу Киреевскому является портретный набросок, сделанный поэтом на одном из черновиков «Полтавы». (Рисунок этот хранится в Институте русской литературы — Пушкинском доме — Академии наук СССР в Ленинграде и публикуется впервые.)

Чем вызвано появление этого портрета юноши в рукописи Пушкина осенью 1828 года? Это было задолго до фольклорных занятий П. Киреевского, которым он отдался в 1830—1831 годах.

Юноша мог обратить на себя внимание поэта своими переводами, появлявшимися в печати.

Впервые прозвучало имя начинающего девятнадцатилетнего литератора в 1827 году. В той же книжке «Московского вестника» (№ 13), в которой был напечатан пушкинский «Жених» («Простонародная сказка»), появилось начало статьи П. Киреевского о книге «Курс греческой новейшей литературы, чит. в Женеве Яковаки Ризо Нерулосом. Женева. 1827. I том».

«Курс греческой новейшей литературы» был в большой мере посвящен истории освободительного движения в Греции — гетерии. Статья П. Киреевского была актуальной. Незадолго до того греки, боровшиеся за образование своего независимого государства, испытали еще один, последний в ту пору удар: выдерживавшие в течение восьми месяцев турецкую осаду Акрополя в Афинах греки вынуждены были капитулировать по приказу английского генерала, возглавлявшего афинский гарнизон.

Можно себе представить, с каким вниманием читал Пушкин реферат П. Киреевского о книге Яковаки Ризо, которого поэт к тому же знал лично.

Смелая борьба греческого народа за свою национальную независимость привлекала горячее сочувствие всех передовых людей. Не мудрено, что известие о начале войны России с Турцией вызвало огромный прилив добровольцев, стремившихся принять участие в войне против угнетателей греческого народа.

Среди подавших заявление о зачислении в армию был и Пушкин, который еще при начале выступления гетеристов, в 1821 году, оказался самым пламенным поборником этого движения. Но Николай I отказал Пушкину в его просьбе.

С симпатией должен был услышать Пушкин о том, что Киреевский тоже просился в армию. Это было уже в 1829 году.

В № 19—20 «Московского вестника» за 1828 год появилось в переводе П. Киреевского первое действие комедии Кальдерона «Трудно стеречь дом о двух дверях». В редакционном примечании сообщалось, что П. В. Киреевский намерен заняться переводом всех лучших произведений Кальдерона.

Пушкин считал Кальдерона величайшим драматическим писателем. Разумеется, известие о новом переводе из Кальдерона живо заинтересовало Пушкина, и, кто знает, не этому ли обстоятельству мы обязаны возникновением рисунка, изображающего П. В. Киреевского.

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ

Коротко о книгах

Очерк В. Кутейщиковой и А. Штейна о творчестве чилийского поэта Пабло Неруды многие читатели прочтут как книгу о хорошо знакомом поэте, имя которого приобрело мировую известность.

Он посвятил свое творчество идеям пролетарского интернационализма, борьбы за национальную независимость, демократию и мир. «Ночь тяжела,— говорит нам поэт, характеризуя гнет империализма в латино-американских странах,— но человек расставил вехи...»

Одной из ведущих тем поэзии Неруды является тема Советского Союза. Авторам книги удалось хорошо передать идейное содержание знаменитой поэмы Неруды «Песнь любви Сталинграду». К сожалению, слабее рассказано о дальнейшем развитии темы Советского Союза в поэзии Неруды.

Недостаточно полно охарактеризована и лучшая поэма Неруды «Да пробудится лесоруб!», удостоенная Международной премии мира.

В целом же из книги Кутейщиковой и Штейна читатели узнают много нового о творчестве Неруды, получат представление о тех его произведениях, которые еще не переведены на русский язык.

В. Кутейщикова, А. Штейн. **Пабло Неруда.** Гослитиздат. М. 1952. 94 стр.

«Быстроногий олень»

Перед нами роман Николая Шундика «Быстроногий олень». У автора этой книги своеобразная биография. Молодым учителем явился он на Чукотку. Потомок первых русских переселенцев на Дальний Восток, он вырос среди суровой тайги и не боялся трудностей в своей новой жизни. Чукчи не хотели отдавать ему детей в ученье, и поэтому он начал свою педагогическую деятельность с того, что по примеру других русских, работавших в тундре, паял старую посуду, исправлял оружие.

Убедившись, что он человек дельный и полезный, чукчи, наконец, разрешили ему учить детей. Школа его была кочевая. Вместе с оленеводами он исходил Чукотскую землю. Лишь впоследствии кочевники построили бревенчатые дома и зажили оседлой жизнью.

О жизни далекой и своеобразной Чукотки написан роман «Быстроногий олень»... Идет война. Чукотский народ, как и все народы СССР, борется за победу, помогает фронту. Среди местных колхозов есть колхозы передовые — со своими электродвигателями, с целыми флотилиями моторных вельботов и байдар, с питомниками породистых собак и т. д. Но есть и отстающие. Роман начинается с того, что в один из таких отстающих колхозов направляется новый парторг — Гэмаль. Этот образ очень удался автору, несмотря на то, что сама сюжетная ситуация отнюдь не нова.

Председатель колхоза Айгинто — человек честный, деятельный, но очень молодой и горячий. Лодыря Иляя он собирается побить. А когда чукчанка Пэпэв из приверженности к старине изломала новую мебель, которую сделал ее муж Пытто, председатель грозится отрезать ей косы.

Иначе действует Гэмаль. Как бы невзначай он намекает Пэпэв, что и ей бы надо завести такое же большое зеркало, какое хочет купить старик Анкоче, проживший несколько дней у учительницы. И тут Пэпэв, как пишет автор, «машинально поправила косы, как бы всматриваясь мысленно в то самое зеркало, которое ей так хотелось иметь».

Парторг действует умело: то осторожно, с присущей чукчам тактичностью, то решительно и быстро. Айгинто чувствует поддержку, ему легче работать, он уже не раздражается, не кричит, и его уж никто не зовет «рваной глоткой», как прежде.

«С Айгинто я сумею идти рядом в одной упряжке», — думает Гэмаль.

Ярко нарисован и несколько комический образ лодыря Иляя. Этот человек, несмотря на свои добрые намерения, долго не может превозмочь лени. Под влиянием своей жены-активистки он пытается учиться в школе взрослых. Но раскачивается Иляй медленно, «однокашники» над ним подсмеиваются, и он, запустив букварем в своего соседа Пытто, уходит. На этом на первых порах и заканчивается его образование.

Жена его, Тэюнэ, любит Гэмаля. Гэмаль долго не знает, как ему поступить. Секретарь райкома Ковалев — сам прекрасный семьянин — советует Гэмалю жениться на Тэюнэ, говорит, что она должна уйти от Иляя. «...Когда рушится старая, неправильная, скажем даже, уродливая семья, — говорит Ковалев, — для того чтобы возникла новая, настоящая, — мы считаем, что это — явление абсолютно правильное».

Пережив тяжелую трагедию, Иляй, как и предвидел Ковалев, находит в себе силы изменить своим прежним привычкам. В надежде, что Тэюнэ вернется к нему, если он станет полезным человеком, он с жаром занимается собаководством, к которому всегда имел склонность. Тэюнэ он, правда, этим не «отвоевывает», но становится одним из знатных колхозников.

Брат Айгинто, милый и скромный юноша Гивэй, влюбленный в русскую учительницу Солнцеву, увлекается техникой. Его уволили из мастерской за то, что совал руки в машины, желая знать, что там — в середине. Гивэй по ночам, тайком, ремонтирует мотор и поэтому днем, на промысле, засыпает, что вызывает упреки Айгинто и насмешки товарищей. Гивэй добился своего: мотор заработал!

Удались автору и такие образы, как батрак Кувлюк, поначалу верный холоп кулака, и заведующий райзо Караулин, который по преимуществу действует административными методами (например, силой отбирает у стариков божков и амулеты).

Жаль, что автор как-то обрывает повествование о Караулине. Шундик, кажется, вполне удовлетворен, что Караулин переводится на другую работу. Но ведь тот и на новом месте останется хвастуном и эгоистом! Куда пойдет его энергия в будущем и как быть с эгоцентризмом и заносчивостью Караулина? На это автор не дает четкого ответа, хотя и рисует, как энергично, мастерски разоблачает Караулин попытку кулака утаить оленей, как он знает край.

На Чукотке живы еще воспоминания о былых временах, об американцах-торговцах и об американских шхунах.

Да кто из дальневосточников не помнит этого наглого и высокомерного отребья, шнырявшего по нашему побережью в поисках наживы и бешеных барышей, этих разномастных ловкачей с трубками в зубах, любивших разыгрывать роль «высших» людей!

Об одном из них сначала вспоминают чукчи, а потом Шундик показывает и его самого в новой гнусной роли шпиона.

Но были люди, которым нравился Стэнли. Это кулаки — отродье диких волчиц, как называют их чукчи, бешеные звери, терзавшие свой же мирный и добрый народ ради того, чтобы выбрать у него пушнину и побыше накидать кучи мехов американцу Стэнли за ружья и за водку. Но кто они, сколько их?

Шаман Тэкыль, бывший кулак Эчилин... Раз, два — и обчелся. И это капля в море светлого, нового, свежего, чем богата жизнь новой Чукотки и что автор увидел и показал, не всегда умело, временами отрывочно, но искренне и талантливо.

Многие действующие лица, видимо, писаны с натуры. Но их слишком много: нельзя же изображать в книге столько героев, сколько людей в колхозе «Быстроногий олень»!

Автору нередко изменяет вкус, когда он хочет изобразить особенно красивую картину природы. Пейзажей мало; они вставлены в книгу, как картинки или заставки, а не вплетены в ткань повествования.

Язык Шундика выразителен там, где автор передает чукотскую речь или где чукчи говорят по-русски, но русские по-русски говорят неярко.

В книге немало повторяющихся ситуаций. Аймынэ — сестра жены кулака Чымнэ; ее семья против ее брака с охотником Тымнэро; Тимлю — сестра жены шамана Тэкыля, и ее родственники также мешают ей быть с Айгинто. Дважды мы становимся свидетелями спасения замерзающих людей.

Встречаются в книге словесные штампы. Мне кажется также, что есть и некоторые неправдоподобные места. Не мог, например, Гивэй, стоя в сарае возле работающего мотора, слышать крики и рыдания в стойбище.

Но главное в том, что рукой молодого писателя создана богатая красками и наблюдениями, яркая и талантливая книга, многочисленные достоинства которой несомненны.

Н. ЗАДОРНОВ

Николай Шундик. **Быстроногий олень.** Роман. «Октябрь». №№ 9, 10. 1952.

Повесть о журналистах

Наша печать — это печать нового типа. И советский журналист — вовсе не прежний «ловец новостей», работающий сдельно у того или иного владельца «шестой державы», как гордо именовали и именуют до сих пор прессу отъявленные лгуны, доказывающие, что газета в Америке или в Англии якобы стоит выше классовых и партийных интересов и поэтому может быть объективной. Советский журналист служит своим пером народу, партии; его деятельность неотделима от общего дела коммунистического строительства; он руководится теми нравственными принципами и нормами, которые утвердились в нашем трудовом обществе. Советский журналист — скромный, простой человек. Но у него, конечно, есть естественное и законное чувство профессионального достоинства. Он помнит, что Владимир Ильич Ленин писал в своей анкете: «Журналист».

«Мы с тобой журналисты» — так назвала свою первую повесть Е. Лопатина. В книге говорится главным образом о молодежи, овладевающей высоким, сложным, благородным искусством советской журналистики. Герои повести Е. Лопатиной — молодые люди и по возрасту и по журналистскому стажу. Автор показывает их в условиях военного времени. Одни герои находились на фронте, другие — в глубоком тылу. Если Алексей Славин стоял на посту военного корреспондента центральной газеты, то его подруга Ольга Соколова начала свой журналистский путь с работы в Сталинабаде.

Е. Лопатина — новичок в художественной литературе. Молодая писательница еще не владеет искусством композиции, ей еще недостает разумной экономии художественного письма (вспомним чеховское: «Краткость — сестра таланта»). Порой она впадает в сентиментальность. Там, где речь идет о любви, героиня повести чуть ли не уподобляется карамзинской Лизе. В ее восприятии Алексей Славин предстает не как реальный, живой человек, а прямо-таки как ангел во плоти. Впрочем, Алексей Славин почти не выступает в повести в качестве действующего лица. Писательница изображает его личность только через восприятие Ольги, его друзей да через письма.

Что же касается остальных действующих лиц, то они изображены в реалистической манере. Е. Лопатина умеет раскрыть живые, характерные черты человека, передать его речь. Хорошо показана в повести редакция республиканской газеты. Журналисты выступают как подлинные организаторы общественного мнения, как участники больших, всенародных дел. Автор вводит нас в атмосферу редакционной жизни, показывает специфику журналистского труда, раскрывает реальные, жизненные конфликты.

Рассказ ведется от лица Ольги Соколовой. Писательнице во многом удался образ этой молодой журналистки, делающей свои первые шаги на газетном поприще, проходящей учебу у редактора газеты Тимофея Филипповича, который «любит работников боевых, принципиальных, зубастых...»; у журналистов Антонины Гольцевой и Гафара Таджиева. Эти люди учат Соколову главному в газетной деятельности: связи журналиста с жизнью, с людьми, творящими коммунистическую действительность, творящими новое. Ольга Соколова работает в выездной редакции на строительстве большой дороги в Таджикистане. Она с головой уходит в бурлящий поток жизни на стройке военного времени, встречается со многими людьми, начинает разбираться в фактах и явлениях, порой ошибается в оценке их, но потом находит правильное решение.

Удачей автора является образ Гафара Таджиева. Сила этого журналиста — в его глубоком знании жизни, в эрудиции, в политической зоркости, в непримиримости ко злу, к недостаткам, в умение применять на деле партийное требование о критике и самокритике. «У него глаза на все открыты, а сердце за все болеет...» — говорит о Таджиеве парторг колхоза Якуб Бабаев.

А вот очеркистка Вера Задонская исповедует старые взгляды на роль журналиста и литератора. Ей нельзя отказать в некотором таланте, у нее бойкое перо, но она чересчур полагается на эти свои качества. Эта, как ее зовут в редакции, «королева очерка» находит, что слишком близкое знакомство с материалом... вредно для писателя. С видом утомленного мэтра она поучает Соколову: «...Что ни говори, а жизнь при непосредственном столкновении с нею оказывается далеко не такой прекрасной и возвышенной, как нам кажется издали... На глазах у писателя всегда должна быть, как бы это сказать, легкая дымка иллюзорности, тогда жизнь во всех ее проявлениях и человеческие отношения облекутся в нужную эстетическую форму».

Отрыв от жизни и влечение к «иллюзорности» приводят Задонскую к творческому оскудению. Она скатывается на путь поверхностного изображения вещей и людей, к фальши и лакировке.

Книга «Мы с тобой журналисты» посвящена описанию деятельности одного из отрядов большой армии советской интеллигенции. На обсуждении повести в Центральном доме журналиста было, между прочим, сказано, что ее следует рассматривать как «учебное пособие», как «печатное руководство для журналистов». Это звучало не как похвала автору, а как упрек. Выходило так, что повесть уже самим своим содержанием ограничена, замкнута, узка. Это неверно. Книга имеет право на то, чтобы рекомендовать ее не только работникам прессы, но и широкому кругу читателей. Ведь писательница говорит не столько о производственных секретах и тонкостях журналистской, литературной профессии, о газетной «лаборатории», — она рассказывает о живых советских людях. А эти люди всегда представляют интерес, независимо от того, какова их профессия.

И. РЯБОВ

Е. Лопатина. **Мы с тобой журналисты.** «Молодая гвардия». 1952. 256 стр.

На наших вкладках

Федор Александрович Васильев (1850—1873), один из лучших пейзажистов XIX века, умер двадцати трех лет, только лишь начав свою творческую жизнь. Он успел сделать немного, но это немногое не только составляет драгоценную страницу в истории искусства, но и оказало серьезное влияние на последующее развитие нашей пейзажной живописи.

В произведениях Ф. А. Васильева умело сочетаются изумительное реалистическое искусство с романтической взволнованностью, вызванной любовью к родной природе. Его лучшие картины, такие, как «Оттепель», «Мокрый луг», «Деревня», «В Крымских горах», поражают подлинной поэтичностью. Живопись Васильева светлая, радостная, мажорная. И. Н. Крамской писал о Васильеве: «Ему суждено внести в русский пейзаж... поэзию при натуральности исполнения».

Несомненно, интересны и акварели Ф. А. Васильева. Он не однажды обращался к этой технике, владел ею в совершенстве и в своих акварелях сумел создавать впечатляющий, правдивый образ русской природы.

Пейзажист Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896) известен и как мастер панорам и как автор картин из истории русского военно-морского флота. Морской офицер, совершивший немало плаваний, Боголюбов особенно любил изображать море. Писал он его превосходно, отлично передавая красоту и мощь водной стихии. Он был участником всех выставок Товарищества передвижников, начиная с первой. Велика его заслуга и в создании Музея русского искусства в Саратове.

По воспоминаниям современников, Боголюбов постоянно и с увлечением работал с натуры. Множество этюдов художника, говорящих о его лирическом даровании, показывалось несколько лет назад на специальной выставке его произведений. Печатаемые нами акварели из фондов Государственной Третьяковской галереи отличаются мягкостью и теплотой.

А. П. Боголюбов. (1824—1896). ПЕЙЗАЖ.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

А. П. Боголюбов. ПЕЙЗАЖ.

Ф. А. Васильев. (1850—1873). ПОСЛЕ ПРОЛИВНОГО ДОЖДЯ.

А. П. Боголюбов. ПЕЙЗАЖ С ЗЕМЛЕКОПАМИ.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

ФРАНЦИСКО ГОЙЯ

К 125-летию со дня смерти

Автопортрет. Офорт.

Франциско Гойе не было еще двадцати лет, когда он бежал из Сарагоссы, спасаясь от инквизиции. Тогда он был начинающим, никому не известным художником.

В 78-летнем возрасте, когда Гойя кончал уже свой славный жизненный путь, он вынужден был эмигрировать во Францию, чтобы вырваться из-под гнета реакции, отличавшей правительство Фердинанда VII. Свободолюбивый художник, гневный сатирик, друг народа, он всегда был ненавистен тем, кто кровью и пóтом простых людей стяжал себе богатства.

Портрет Лолы Хименес

Многие из написанных им по заказу портретов представляют собой скрытую сатиру на тупых и развращенных придворных. Будучи придворным живописцем, Гойя создал знаменитую графическую серию «Капричос», в которой беспощадно высмеял аристократию, инквизицию, чиновничество.

И все же перед Гойей заискивали все, вплоть до королей, наперебой умоляли его писать портреты. Художнику предлагали огромные деньги, но его нельзя было купить.

Годы, когда Гойя сложился как художник, были для испанского искусства периодом упадка. Главой испанской школы считался иностранец Рафаэль Менгс, вместе с многочисленными своими последователями насаждавший академическую, бесцветную, антихудожественную живопись.

Решающий удар по школе Менгса нанесло искусство Гойи, национальное и реалистическое. Франциско Гойя вошел в историю мировой культуры как великий сын своего народа, правдивый мастер, чьи произведения и по сегодня остаются высокими достижениями человеческого гения.

Родился Гойя в 1746 году в семье небогатого ремесленника в арагонской деревушке Фуэндетодос, близ Сарагоссы. Уже в тринадцать лет Гойя поступил учеником в мастерскую художника. Биография Гойи очень романтична. Отличаясь общительным нравом, будучи наделенным недюжинной силой, в молодости он постоянно был замешан в различные истории. Дуэли следуют одна за другой. Однажды Гойю находят на улице Мадрида раненным ножом в спину. Инквизиция снова обратила свое внимание на художника, живущего слишком свободной жизнью.

Он собирается уехать в Италию и, чтобы заработать на дорогу, поступает в бродячую труппу матадоров. Принимая участие в их представлениях, он объезжает всю южную Испанию. Бой быков собирал обычно огромное количество народа, и это давало художнику неисчислимый запас наблюдений для его творчества.

Пребывание в Италии, куда живописец все-таки добрался, никак не сказалось на его дальнейшем творчестве. Гойю не пленило искусство классиков. Больше заинтересовала Гойю жизнь итальянских городов, простого народа.

Вернувшись в Испанию, Гойя поселяется у себя на родине и все свободное время проводит с крестьянами. Эту характернейшую черту Гойи подметил В. В. Стасов, писавший про художника: «...он... подготовился к последующей своей деятельности национального живописца — художника, которому было суждено передать на полотне... характерные нравы и обычаи своей родины».

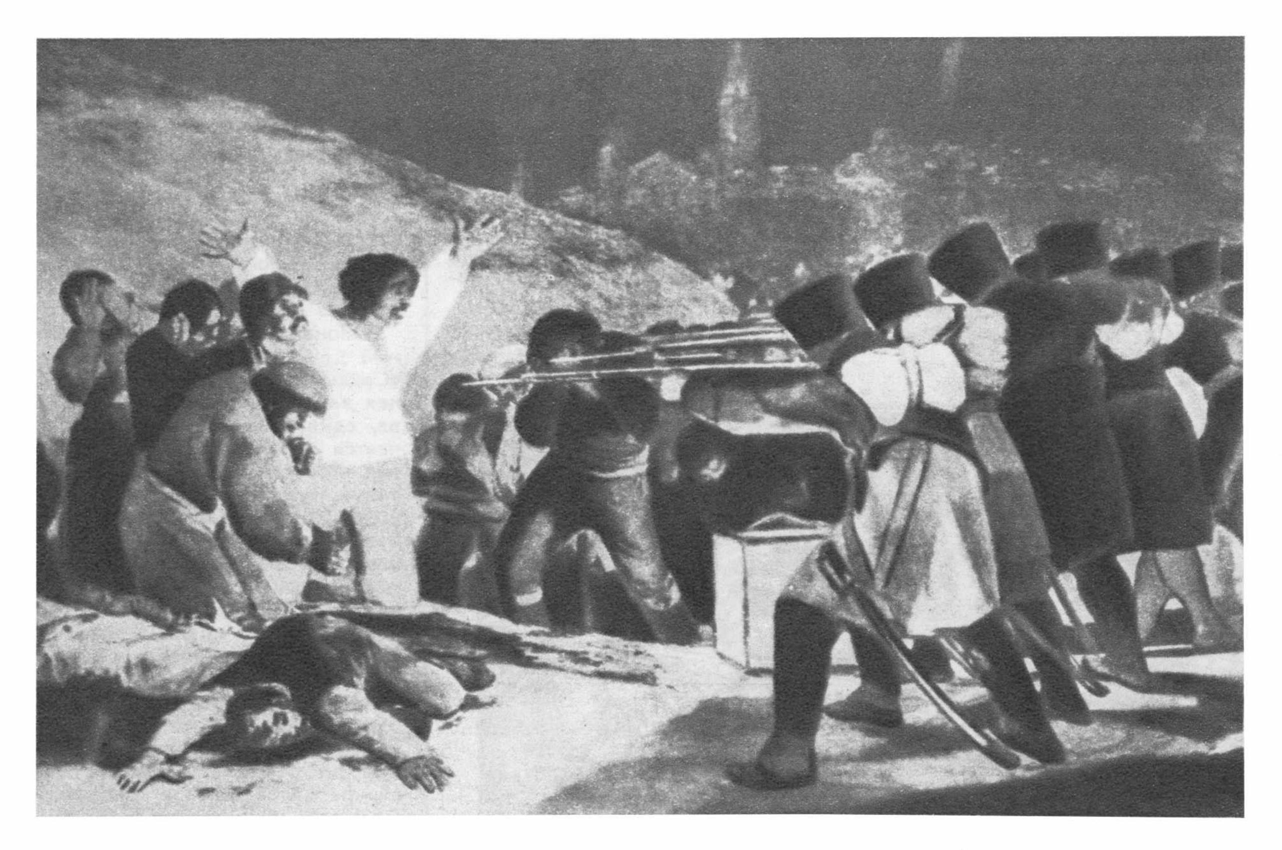
Уже в первых своих работах, принесших ему широкую известность,— в картонах для знаменитых мадридских ковров — Гойя отказывается вопреки обычаям от аллегорических сюжетов и создает картины народных празднеств, уличные сцены и т. д.

Отличаясь редким трудолюбием, он пишет множество картонов, картины на традиционно-религиозные темы, бесконечное число портретов. Правда, так называемые официальные портреты не увлекали его и часто получались ниже уровня мастерства художника. Зато другие, которые он писал охотно в разные периоды жизни, изумительны. Некоторые из работ этого жанра написаны молодым Гойей, сильным и здоровым человеком, некоторые — глухим, измученным стариком, но все говорят о зорком взгляде художника, проникающем в самые глубины человеческой души, умеющем дать в портрете яркий и многогранный образ. Таковы подлинные шедевры: портрет Исабель Кобос де Порсель — образ молодой гордой испанки; портрет якобинца Гильмарде, трактуемого Гойей человеком непреклонных убеждений, решительным и умным, или портрет тореадора Хосе Ромера, великолепно передающий храбрость и отвагу.

Среди картин Гойи наиболее выразительны те, которые, отвечая наклонностям художника, были навеяны самой жизнью: «Девушка с кувшином», иначе именуемая «Водоноской», «Точильщик», «Изготовление пороха испанскими партизанами». Широкой известностью пользуются его полотна, изображающие испанскую девушку,— «Маха одетая», «Маха обнаженная».

Полотно «Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев» повествует о беспримерном мужестве народа, борющегося с иноземными захватчиками. Художник возмущался зверством оккупантов и был исполнен любви и восхищения смелыми партизанами, с которыми встречался, наблюдал их суровый быт.

Освободительной войне против Наполеона Гойя посвятил серию офортов, среди которых особой известностью пользуется офорт

Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев.

Портрет Исабель Кобос де Порсель.

«Какое мужество!»: около пушки лежат павшие бойцы; девушка подносит к пушке зажженный фитиль, заменив сраженных товарищей.

Или другой офорт — «Они разъярены»: женщина, бросившаяся на французского солдата, одной рукой спрятала за спину ребенка, другой схватилась за пику, ее подруга подняла камень и швыряет его в интервентов.

Восемьдесят пять офортов — плод десятилетней работы — входят в серию «Бедствия войны». Это обвинительный акт Гойи против захватнических стремлений Франции. Взгляды Гойи строго определенны. Под рисунком, изображающим казнь предателя, написано «Он этого заслужил». Образы повстанцев, одухотворенные любовью художника к этим настоящим сынам родины, противопоставлены гнусному облику интервентов. Работы Гойи помогали росту патриотизма, вызывали ненависть к захватчикам.

Как известно, после изгнания наполеоновских солдат из Испании начались жестокие преследования тех, кто боролся за свободу родины. Всякое проявление демократизма немедленно подавлялось. О Гойе правительственные круги отозвались однажды так: Гойя де известен своим либерализмом и вполне заслуживает смертной казни.

В последней офортной сюите «Сны» (известной под названием «Диспаратос») Гойя создает образы, полные пессимистической абстрактной фантастики. Тот же характер носят и его росписи своего дома, прозванного соседями «Домом глухого (Кинта дель-Сордо)». Декадентская и буржуазная критика возвеличивает именно эти работы художника, стараясь умалить значение обличительной сатиры Гойи, его реалистических картин, портретов и офортов. Вопреки этим усиленно распространявшимся взглядам великий русский критик В. В. Стасов, много писавший о Гойе, справедливо утверждал:

«Мы находим у него везде на первом плане, в лучших его созданиях, такие элементы, которые в наше время и, быть может, особенно для нас, русских, всего драгоценнее и нужнее в искусстве. Эти элементы — национальность, современность и чувство реальной историчности». Гойя глубоко национален, и именно национальный характер его творчества, народные его истоки придали его деятельности общечеловеческое значение.

Гойя умер во Франции, в городе Бордо, 16 апреля 1828 года. До последнего дня глубокий старик не выпускал из рук карандаша. Среди его последних набросков — сцены, изображающие насилие и жестокость власть имущих, рисунки, направленные против извечного врага Гойи — церкви. Церковь, дурманящую народ, Гойя ненавидел всю жизнь особенно остро. В его первой графической серии есть офорт-акватинта «Какой золотой клюв!» — на церковной кафедре торжественно восседает попугай, и прихожане его внимательно и увлеченно слушают...

Гойя верил в светлую будущность человечества, был убежден в неизбежной гибели старого мира. Он рисовал уродцев, поддерживающих падающую на них плиту, и ставил подпись: «И все еще они не уходят». Он знал, что ежели они не уйдут сами, то будут раздавлены. Гойя рисовал крестьянина с мотыгой в руках, замученного беспросветной бедностью, и рядом женщину, указывавшую на освещенную солнцем даль, на картину плодородия — тучные поля, снопы, деревья с плодами.

Когда республиканская армия в 1936 году отбила у фашистов село в Арагонии, где родился Гойя, на его доме была укреплена мемориальная доска со следующей надписью:

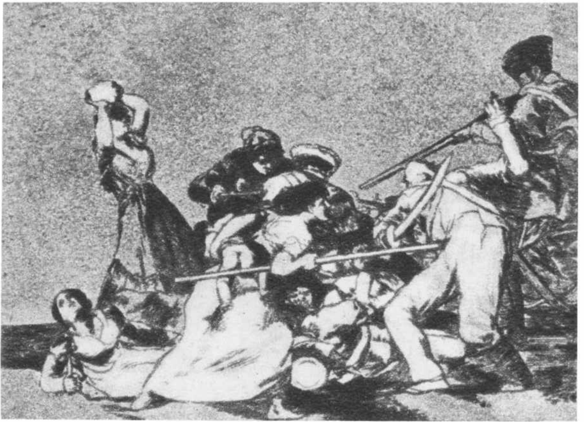
«2.X 1936. Этот дом, колыбель великого художника, освобожден от фашистского ига».

Открытие мемориальной доски превратилось тогда в народное торжество. И это понятно: Гойя был и остается художником народа!

Б. ЩЕРБАКОВ

«Какое мужество!»

Они разъярены.

ГНЕВН

К 50-летию со дня смерти А. В. Сухово-Кобылина

Творчество Александра Васильевича Сухово-Кобылина, одного из виднейших русских драматургов, поныне остается малоисследованным. Большая жизнь писателя (1817—1903), в юности — современника Пушкина, собеседника Гоголя, в зрелости — близкого друга Щепкина, а в старости—избранного в Академию наук вслед за Чеховым и Короленко, известна лишь в отрывочных эпизодах.

Ныне в распоряжении исследователей оказался считавшийся безвозвратно утраченным огромный архив Сухово-Кобылина: его многолетние дневники, рукописи пьес, статей, некоторые неизвестные ранее произведения. Эти материалы проливают новый свет на жизнь и творчество Сухово-Кобылина.

28 мая 1855 года в московском доме Сухово-Кобылиных собрались гости. Среди них был известный артист Малого театра Шумский. «В 2 часа,— записывает в своем дневнике Сухово-Кобылин,— читал им мою пьесу Свадьба Кречинского — успех! Шумский просит ее себе на бенефис». Так первая пьеса Сухово-Кобылина попадает на сцену Малого театра.

На протяжении августа — ноября 1855 года Сухово-Кобылин весь отдается заботам об ее постановке. В его весьма лаконичном дневнике, нередко отмечающем события дня всего одной — двумя фразами, то и дело встречаются упоминания о комедии, об актерах, которым предстоит ее играть. Особенно часто повторяется в записях имя М. С. Щепкина.

Щепкин готовил роль Муромского, Пров Садовский — Расплюева, Шумский — Кречинского. 24 ноября писатель посетил очередную репетицию:

«Утром отправился на репетиции. Садовский и Щепкин превосходны... Странное ощущение производит первая репетиция на автора — это его роды. ...Его дитя ожило, взглянуло на свет и дало первый крик. Щепкин во внутреннем восхищении расцеловал меня».

Назавтра Сухово-Кобылин записывает:

«Вторая репетиция — все идет лучше, сглаживается, идет вперед. ...Щепкин в роли отца играл отлично и сам расплакался».

Наконец настает знаменательный день первого представления «Свадьбы Кречинского». Подробная запись о ходе этого спектакля, сделанная драматургом, кончается так: «В глубоком молчании, прерываемом едва сдерживаемыми рукоплесканиями, сошел конец третьего акта... я ускользнул из ложи, как человек сделавший хороший выстрел, и в коридор. Услышал гром рукоплесканий.

Я отправился прямо в ложи артистов на сцену — здесь обступили меня они и особенно Щепкин, Полтавцев, Бурдин из С. Петербурга и др.— Я отправился домой.— Старик Щепкин уже бродил по освещенным комнатам... Мы расцеловались со Щепкиным. Сели пить чай. Щепкин был в восхищении...»

Вскоре «Свадьба Кречинского», блестяще сыгранная труппой Ма-

АЯ САТИРА

лого театра, была поставлена Александринским театром в Петербурге и напечатана «Современником».

Дружба Сухово-Кобылина со Щепкиным продолжалась и крепла. Когда премьер Александринского театра Самойлов, исказив замысел автора, сыграл Кречинского авантюристом, затушевав его принадлежность к правящему классу — дворянству — и вдобавок произвольно наделив героя комедии польским акцентом, именно Щепкин вступился за драматурга и резко осудил любимца петербургской знатной публики:

«...вся сила, вся ее важность (комедии. — ред.) для нашего времени заключается в общественном значении ее сюжета и особенно главного лица, Кречинского. Зачем вы сделали из него поляка? Это — русское лицо, представитель нашего так называемого хорошего общества, которое должно было со сцены видеть в Кречинском себя, а не чужого человека... Тогда бы пьеса произвела на нас надлежащее действие и сыграла бы серьезную общественную роль, послужив к раскрытию язв и пороков нашего общества».

Беседа со Щепкиным 29 августа 1856 года явилась побудительным толчком, заставившим Сухово-Кобылина вплотную приступить к работе над новой пьесой — над «Делом». Об этом говорит следующая запись:

«Щепкин мне сказал: А знаете, мне жалко, что вы по первому разу написали такую пьесу. Я с ним согласился. Его рассказ прикащика о продаже лубков».

Слова Щепкина «...жалко, что вы по первому разу написали такую пьесу», видимо, надо понимать в том смысле, что после блестящей «Свадьбы Кречинского» трудно написать что-либо равноценное. Значит, разговор о новой комедии имел место.

Через день, 31 августа, следует запись: «Вечером написал две первые сцены из нарождающейся новой комедии».

Что же касается «рассказа прикащика», то в одном из неопубликованных писем Сухово-Кобылина говорится:

«...В прилагаемом экземпляре собрания моих драматических сочинений вы найдете желаемый Вами рассказ Ивана Сидорова об его торговле на Коренной ярмарке, страница 198-я.

Он начинается словами:

«Был однова со мной такой-то случай» и который был мне великолепно рассказан покойным М. С. Щепкиным».

Этот рассказ был целиком включен писателем в текст нового произведения. 11 января 1858 года Сухово-Кобылин отмечает: «Все утро писал пьесу — четвертый акт — ибо хочется в Москве прочесть ее Щепкину...»

И действительно, первым слушателем пьесы «Дело» в чтении автора был Щепкин, являвшийся для него высшим художественным авторитетом. 29 января драматург записал в дневнике: «Утром Щепкин. Назначено чтение всей второй пьесы завтра». А 30 января: «в 7 часов явился Щепкин. Чтение пьесы. Впечатление почти то же, как и при чтении Кречинского в 1855 году ему же, Щепкину, т. е. почти за 3 года тому назад».

В «Деле» Сухово-Кобылин снова предназначал Щепкину роль Муромского. Однако вторая творческая встреча драматурга со своим любимым актером и сценическим наставником так и не состоялась: пьеса была совершенно закончена и представлена в цензуру только в 1863 году — в год смерти Щепкина. Новое произведение Сухово-Кобылина сразу подверглось цензурному запрету и свет рампы увидело только в 1882 году — почти через 20 лет после его создания, да и то в сильно искаженном купюрами виде.

Историки литературы долго недооценивали значение воздействия Гоголя на творчество Сухово-Кобылина. Между тем в дневниках драматурга мы обнаруживаем неоспоримые свидетельства его прямой творческой учебы у великого отечественного сатирика Гоголя.

17 сентября 1857 года, в день своего сорокалетия, подводя итоги еще не оконченной тогда работе над пьесой «Дело» (первоначально им названной «Лидочкой»), автор, между прочим, перечисляет наименования действующих лиц этого произведения. «От этой пьесы, — пишет Сухово-Кобылин, — ...я жду более, чем от Кречинского. Все главные сцены написаны так: 1-й акт, несколько сцен 2-го, Лидочкин монолог 3-го. Сцены **Хлестакова и Тряпичкина.** Сцена Муромского с Высоким Лицом и затем сцена Тряпичкина с Высоким Лицом. Из четвертого акта катастрофическая сцена Муромского и **Тряпичкина**... Из 5-го сцена **Хлестакова.** Ив. Сид. и Нелькина. Последняя сцена Лидочки и эпилог...»

Тряпичкиным Сухово-Кобылин сперва называл Варравина. Затем автор отказался от фамилии Тряпичкин, мало подходившей к облику Варравина — «действительного статского советника, при звезде». Но не это важно. Гораздо важнее то, что имя Тряпичкина уже знакомо нам по гоголевскому «Ревизору» (чиновнику Тряпичкину адресует свое письмо Хлестаков). Самого Тарелкина Сухово-Кобылин первоначально прямо назвал Хлестаковым, стремясь открыто декларировать свою связь с гоголевской сценической традицией.

В этой же записи дневника мы находим и первое упоминание Сухово-Кобылина о «Смерти Тарелкина» — третьей, завершающей пьесе его трилогии. Называя еще раз Хлестаковым будущего Тарелкина, писатель замечает: «Завязалась мысль о новой маленькой пьеске — **Хлестаков или Долги».**

Вплоть до 1858 года работа над «Хлестаковым» идет параллельно с работой над «Делом». В октябре 1857 г. писатель, судя по его записям, написал две сцены новой комедии и принялся за «Дело».

Среди русских писателей второй половины XIX века А. В. Сухово-Кобылин выделялся необычайной остротой своей самобытной и гневной сатиры.

«Обличение и протест, как следствие критического отношения к явлениям окружающей действительности, — писал Чернышевский, — являются столбовой дорогой современной русской литературы». По этой дороге вслед за Гоголем уверенно направился и Сухово-Кобылин, достойный продолжатель традиции Гоголя, прямой соратник Щедрина. Выведенные драматургом в его трилогии яркие образы Расплюева, Тарелкина и Варравина представляли собой чиновничество, разъедавшее, как выразился сам Сухово-Кобылин, «в одну сплошную рану великое тело России». В этих образах сущность глубоко реакционной русской бюрократии была раскрыта с наибольшей полнотой и заостренностью. Тем самым сатира Сухово-Кобылина призывала к борьбе против произвола и беззакония чиновничества. Не случайно царская цензура, а также министр внутренних дел Валуев, в ужасе назвавший «Смерть Тарелкина» «сплошной революцией», делали все для того, чтобы преградить произведениям Сухово-Кобылина доступ на сцену.

Одно из столкновений с императорской цензурой красочно описано в дневнике писателя. В этот день он явился к цензору Нордштрему с целью добиться разрешения **«Дела»** к постановке:

«Боже — что я услышал, — он напросто и прямо запрещает пьесу. — Его слова: мы на себя руку поднять не можем! Здесь все осмеяно. — Сквозь комплименты оказывается, что он сам генерал и обиделся... Ясно видно раздражение за пьесу. — Да кто же не поймет, что это Министерство, Министр, его товарищ — Правитель дел и т. д. Он заметил это с желчью. — Дело мое потерянное. Я вышел разбитый. — Пропало... — Все выметено».

Чувство ненависти к тогдашним общественным порядкам Сухово-Кобылин изливал и в своем сокровенном дневнике. Весьма примечательна в этом смысле запись от 17 августа 1856 года, запечатлевшая глазами очевидца торжественный въезд в Москву царя Александра II:

«В два часа началось шествие. Впереди ехали жандармы, затем придворные лакеи, потом конвой государя. Чернел в кольчугах азиатский полуэскадрон. Линейские синие казаки, донские казаки, синие атаманские казаки. Потом депутации...

Свита была страшная, до 200 человек. Впереди их ехал Государственный Совет и придворные чины в золотых каретах. Четыре кареты были нагружены Государственным Советом и министрами. Сколько в этих четырех золоченых ящиках было соединено грязи, гнили, подлости».

В архивах Сухово-Кобылина хранится поныне неопубликованный его памфлет, названный им «Квартет» и написанный в форме «письма к приятелю». В «Квартете» с особенной силой дает себя знать острота сатиры Сухово-Кобылина, направленной против своекорыстного, грабящего народ чиновничества.

«Принудительно созерцаю всероссийскую волокиту, — пишет Сухово-Кобылин, — т. е. с унынием слежу, как пустейшие бумаги переползают из одной клоповни в другую. Всё чиновники, везде чиновники, все чиновники.

А. В. Сухово-Кобылин (1870-е годы).

...Клоповники вскипают... и образуют клоповные комитеты. Вшивые комиссии представляют мертворожденные проекты, от которых тут же несет падалью и банкротством... Телескопические и микроскопические паразиты образуют общества «поощрения труда», который тут же и объедают. Пауки переносят паутины на новые и свежие места грабительства... Чиновников умножение... Всеобщее разорение.

Заключение. Картина или апофеоз!..

При рембрантовском зловещем освещении глухая ночь. Рак чиновничества, разъевший в одну сплошную рану великое тело России, едет на ней верхом и высоко держит знамя «прогресса!»»

В Главном литературном архиве есть несколько вариантов этого произведения, свидетельствующих о том, как настойчиво и трудолюбиво отделывал Сухово-Кобылин каждую строку небольшого памфлета. Рукописи «Квартета» датированы 1890—1900 годами. Следовательно, памфлет написан незадолго до смерти драматурга.

Общественный смысл всей литературной деятельности Сухово-Кобылина — разоблачение и сатирическое осмеяние бюрократической машины Российской империи. Об этой бюрократической машине В. И. Ленин писал:

«Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная **бюрократия**, которая... правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества».

Для разоблачения этих «вредных качеств» много сделал выдающийся русский драматург-сатирик А. В. Сухово-Кобылин.

К. РУДНИЦКИЙ

Третий друг

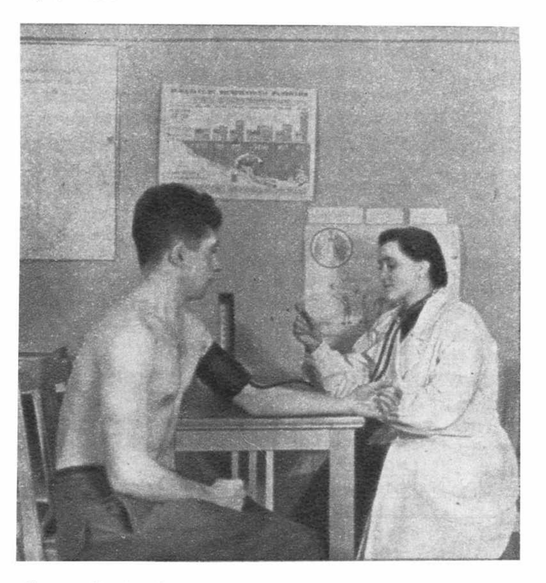
1

«Итак, мы будем измерять пациентам не температуру, а... силу»,— думала Нинель Артемьевна Фролочкина, доставая из шкафа крючкастый силомер. Студенткой она мечтала о подвиге врача, о научных исканиях, открытиях, о борьбе за жизнь человека. Она видела себя со скальпелем в руках, оживляющей сердце, которое уже перестало биться.

И вот ей, молодому специалисту, поручили создать совершенно новое учреждение, стать его главным врачом.

Она будет... «лечить здоровых».

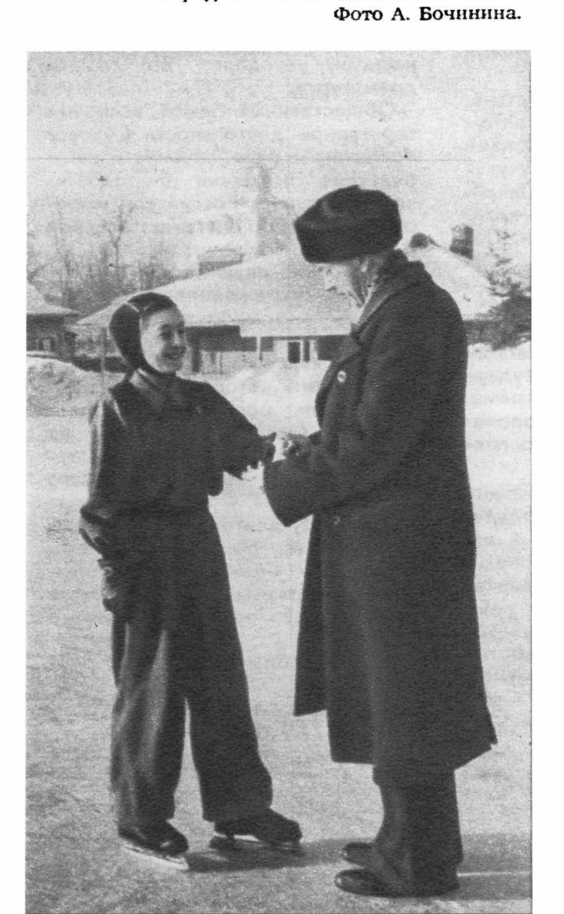
И сейчас Фролочкина ожидала первых пациентов.

Врач Н. А. Фролочкина измеряет кровяное давление у спортсмена Ю. Гаршенина после бега.

Врач Рысков измеряет пульс Риммы Казариной перед бегом на коньках.

Фото А. Бочинина.

Из коридора донеслись громкие голоса, смех, послышался топот ног. Через минуту один из пациентов уже очутился в ее кабинете:

— Поймите, я же совершенно здоров, и никакой рентген мне не нужен! Я очень спешу.

— Понимаю,— мягко сказала Фролочкина.— И все же вам придется сделать рентген грудной клетки, сердца, легких, анализы крови. Вас осмотрят терапевт, отоляринголог, невропатолог, хирург. Зрение тоже необходимо проверить...

Весь день Фролочкина терпеливо объясняла, беседовала с каждым. Пациенты приехали со всех концов Московской области — из Мытищ, Люберец, Павловского Посада, Подольска, Солнечногорска — и никак не ожидали, что оформление заявки (...по состоянию здоровья к участию в областном кроссе допущен...) превратится в подробнейший осмотр.

— Через полтора месяца опять к нам в диспансер на осмотр,— напутствовала Фролочкина,— а на днях наши врачи-диспансеризаторы Рысков, Шарова, Прагер приедут к вам.

2

Команда «На старт!», взмах флажка — и бегуны несутся по дорожкам. Половина дистанции позади, уже остаются последние метры... Финиш! Судьи засекают время.

Все собравшиеся на Ногинском стадионе хлопают бегунам, и только один человек как будто недоволен:

— Бегать можно быстрей. Силы у вас еще в запасе. Не бойтесь, тренируйтесь хорошенько.

Это «недовольство» радует больше самых горячих похвал. И не только победителей, оно окрыляет и побежденных. «Силы в запасе» — это утверждает тот самый врач-диспансеризатор Рысков, который бегуна уже «выверил, как часы»!

Любое спортивное соревнование — соревнование смелости, воли, ловкости. Это — предельное напряжение мышц, легких, сердца, всей нервной системы. Огромную нагрузку получает организм атлета, лыжника, гонщика-мотоциклиста, боксера, гимнаста.

Присутствуя в Серпухове на тренировке юношеской спортивной школы, врач Рысков не только проверял методику занятий, но и помог тренеру точнее определить возможности каждого ученика. Раскрывая перед будущими мастерами их спортивное завтра, врач помогает им укрепить веру в свои силы, без которой невозможно выйти на ринг, трамплин, футбольное поле.

Прежде чем начать ежедневную 15—30-километровую пробежку, марафонец или боксер даже в самый жаркий день надевает два шерстяных костюма и «разминается» прыжками, разогревает мышцы, чтобы они стали эластичнее. Разгоряченное тело легко простудить не только осенью или зимой, но и летом. Врач Шарова вместе с тренером решает, как закаляться спортсмену. С Шаровой советуются легкоатлеты, борцы, штангисты — шахтеры Сталиногорска, ткачихи Орехово-Зуева, слесари и токари Загорска.

Спортсмена надо перевести в другой цех, в дневную смену, направить в здравницу. Ему необходимо получить общежитие, отправить ребенка на курорт, наладить домашний режим. Врач и тут приходит на помощь. И если говорят, что первый друг спортсмена — свежий воздух, второй — тренер, то теперь у него есть и третий друг — врач-диспансеризатор.

3

— Вот, доктор, оставляю беговую дорожку,— улыбается студент библиотечного института Борис Масленников, входя в кабинет.

Шутливый тон не может обмануть «третьего друга», который отлично знает влюбленность таких людей в спорт. А ведь Масленников — перворазрядник.

— В чем же дело?

— На стадион не тянет, тренироваться не хочется. Настроение плохое. Какая-то усталость. Это уже и на учении начинает отражаться.

Врач продолжает расспросы и узнает: несколько дней назад в беге на 10 километров Масленников последние километры пробежал с трудом.

Обычный осмотр. Затем врач надевает пациенту «манжет» аппарата, которым измеряют кровяное давление.

— Двадцать приседаний! — он смотрит на секундомер.— Начинаем!

Через некоторое время врач считает пульс пациента, измеряет давление.

— Бег на месте в темпе стометровки!

Это — испытание всей сердечно-сосудистой системы «на скорость». Через 15 секунд следует испытание «на выносливость».

— Бег в темпе тысячи метров!

Через три минуты «бег» закончен.

— Картина ясна,— говорит Рысков,— вы переутомлены. Ложитесь в наш стационар.

Три дня покоя, затем «активный отдых», при котором разрешаются утренняя зарядка, гимнастика, тренировочная пробежка под наблюдением методиста и врача. Из диспансера Масленников выписался здоровый, полный радужных планов и надежд.

Спортсмены обращаются в свой стационар и за сложной хирургической помощью. Мастера спорта Силина доставили с разрывом ахиллова сухожилия, которое поддерживает стопу. Обычно разрыв происходит без видимой причины. Хирург «штопал» поврежденные мышцы, тончайшие нервы. Эта сложная работа продолжалась два часа.

Больному предписали лечебную физкультуру, которая путем условных рефлексов воздействует на мышцы и нервы. Через полтора месяца, когда сняли гипс, оперированные мышцы не только отлично срослись, но и сохранили силу.

Стационар диспансера не похож на больницу. Его назначение — исследовать организм спортсмена и предупреждать болезни.

В сборной команде РСФСР, оспаривавшей первенство страны по боксу, было много боксеров из-под Москвы. Как только розыгрыш кончился, врач госпитализировал «своих бойцов», чтобы они отдохнули (утомление может в дальнейшем сказаться на сердечно-сосудистой системе, нервах) и чтобы изучить, как на их организме отразились трехдневные напряженные бои.

4

Врачебно-физкультурный диспансер — это прообраз учреждений медицины будущего, совсем не похожий на своих прародителей. Первые «диспансерии для бедных» — благотворительные лечебницы — были созданы в России давно. За больными на дому ухаживали «хожалки».

Но в условиях капиталистического общества, завися от прихоти благотворителей, диспансеры, конечно, не могли ни строго по-научному исследовать влияние окружающей среды на возникновение болезни, ни тем более устранять ее причины. Диспансеры в старой России не привились. И лишь передовые земские врачебные участки были одинокими пионерами, которые пытались строить свою работу на началах профилактики.

Открывая перед нами картину медицины будущего, великий советский ученый Павлов говорил, что основа ее основ — профилактика.

Врачебно-физкультурные диспансеры, которые у нас стали создаваться недавно (сейчас их 105),— это первые медицинские учреждения, призванные диспансеризировать не больного, а здорового, физически сильного человека. Путь их ясен — профилактика, научно-практическая и научно-исследовательская работа.

— Наш, московский областной диспансер,— рассказывает главный врач Фролочкина,— диспансеризировал десять тысяч мастеров спорта и ведущих спортсменов. Это молодые рабочие, ученики юношеских спортивных школ, студенты, колхозники. Мы следим и за тем, как поставлено медицинское обследование физкультурников в школах, ФЗО, ремесленных училищах, техникумах, институтах, спортивных обществах. Иначе говоря, контролируем здоровье всех юных и взрослых жителей, занимающихся физкультурой.

Мы с Фролочкиной беседуем в ее кабинете. За стеной слышатся приглушенные голоса. И вдруг к нам доносится звонкий смех, кажется, совершенно несовместимый с холодным, строгим медицинским учреждением.

— Это наши «больные» занимаются гимнастикой в зале,— улыбается Фролочкина.

О. РУСАНОВА

Они будут ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ

Весной воспитанники детдома особенно часто собирались по вечерам. Раздавались возбужденные голоса: «Буду инженером!», «Врачом!», «Только конструктором!». Подолгу спорили, кем лучше быть: строителем гидростанции, водителем самолетов или воспитателем детей. Куралбек давно избрал себе специальность и решил поступить в институт физкультуры.

Отец и мать Куралбека умерли, когда ему было три года. Он воспитывался в детдоме и здесь обрел вторую семью, нашел настоящих друзей.

В школе мальчик увлекся спортом. Физкультура помогла ему стать крепким и сильным юношей. Он был лучшим гимнастом школы.

Воспитывать детей, растить молодежь сильной, волевой, здоровой, — что может быть лучше, благороднее? Куралбек говорил об этом с жаром. И товарищи соглашались.

Институт гостеприимно раскрыл двери перед комсомольцем Куралбеком Шимбулатовым. Начались дни учебы. Новых друзей встретил он здесь. Это такие же, как он, казахские юноши и девушки, решившие посвятить себя благородной профессии воспитателя.

Вот комсомолец Курманбай Раимбаев. Он тоже вырос в детдоме. В Кзыл-Орде и сейчас еще вспоминают, как этот крепыш, весивший всего пятьдесят килограммов, на конкурсе силачей выжал тяжелую гирю тридцать раз. С того дня он начал регулярно заниматься спортом.

А комсомолец Еркин Асенов по-настоящему полюбил спорт после того, как побывал на всесоюзном параде физкультурников. Парад произвел на него неизгладимое впечатление. Вернувшись домой, он поступил в техникум, а затем в институт физкультуры.

Разными путями пришли друзья в институт физкультуры. Но всех их привела сюда любовь к спорту.

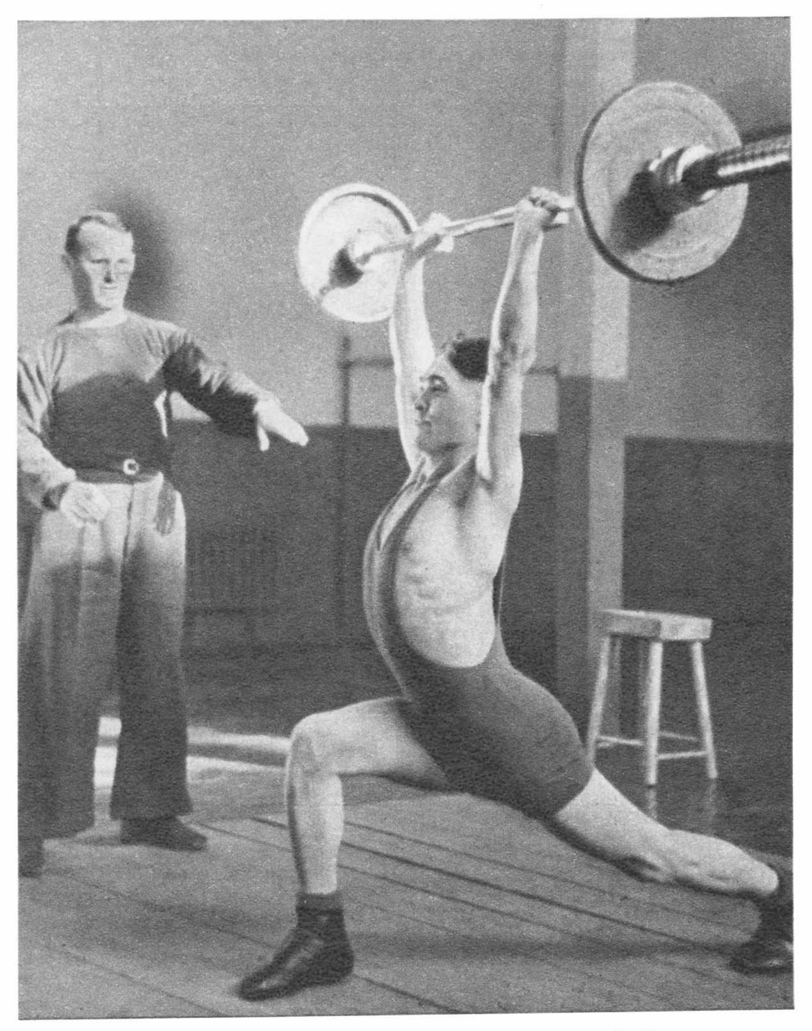
...Звонок. Учебный день окончен. Студенты идут в читальный зал. Скоро научная конференция. Друзья готовятся к ней. Вечерами Еркина, Курманбая, Куралбека и их товарищей по учебе всегда можно встретить в спортивных залах. Они тренируются. В институте наиболее полно раскрылся спортивный талант друзей. Асенов стал хорошим гимнастом-перворазрядником, чемпионом Алма-Аты, Раимбаев — один из лучших борцов Казахстана, Шимбулатов — известный в республике штангист.

Изо дня в день занятия, тренировки, работа над научной темой, участие в кружках художественной самодеятельности. Друзья понимают, что профессия преподавателя требует упорного труда. Пройдет немногим больше года, и они покинут институт, станут педагогами.

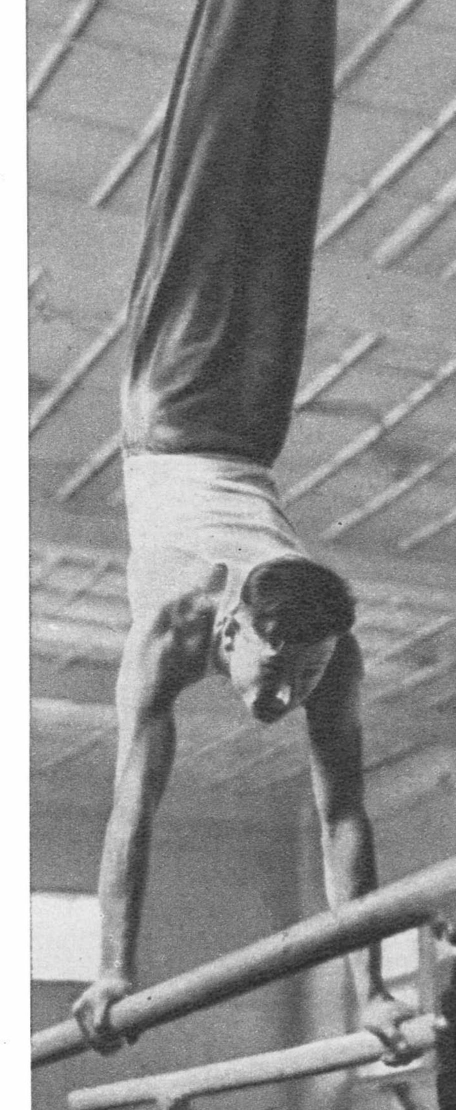
Еще недавно в Казахстане было лишь несколько преподавателей физкультуры. За несколько лет работы Казахский государственный институт физкультуры воспитал сотни квалифицированных специалистов. В самых отдаленных уголках республики работают сейчас его воспитанники.

Много казахских юношей и девушек учится в институте. У молодого преподавателя Майры Мусаевны Юсуповой на первом курсе занимается большая группа казахских девушек-гимнасток. Альфия Баязитова приехала из Джангалинского района, Мадина Сейтмагамбетова — из Актюбинской области, Кульзада Сейтказина и Дарзана Ахметова — из Больше-Нарымского района. Отовсюду приходит в институт молодежь, полюбившая спорт и решившая посвятить ему всю свою жизнь.

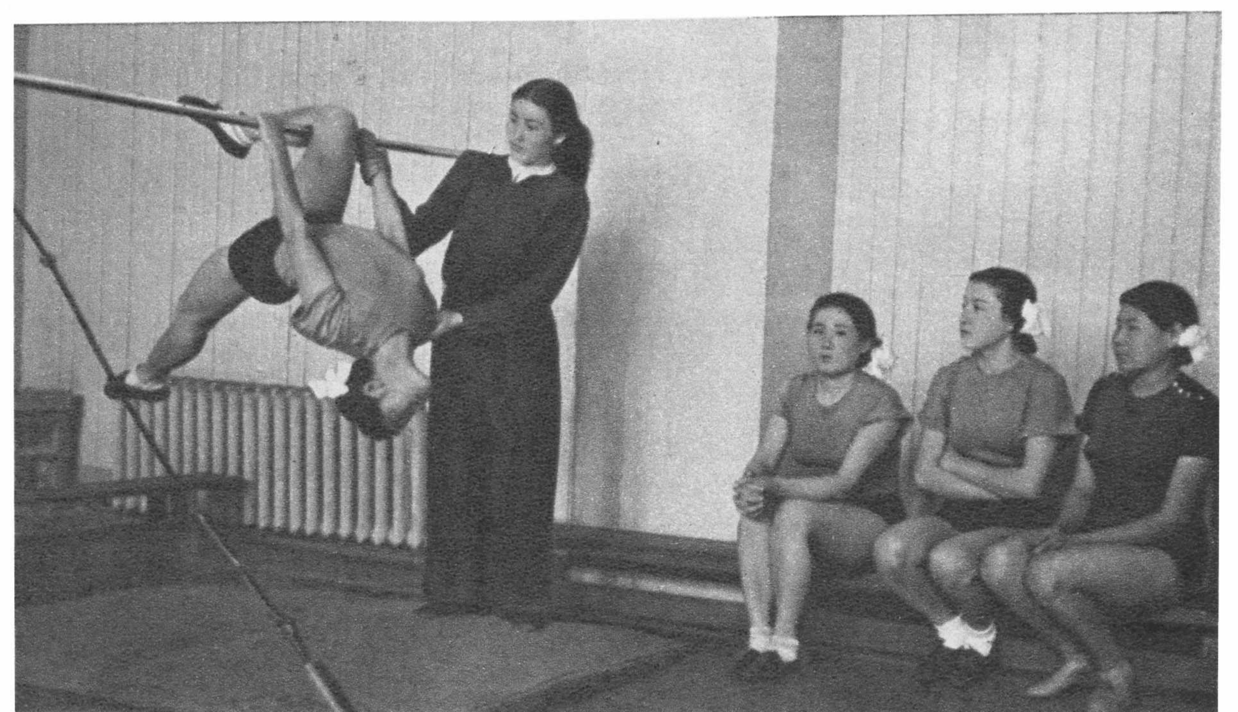
В. ФРОЛОВ

Куралбек Шимбулатов на занятиях по поднятию тяжестей. Слева — преподаватель А. Костин.

Еркин Асенов выполняет стойку на брусьях.

Дарзана Ахметова выполняет упражнение на перекладине. Справа — преподаватель М. Юсупова.

Фото А. Бурдукова.

Тигроловы Приморья

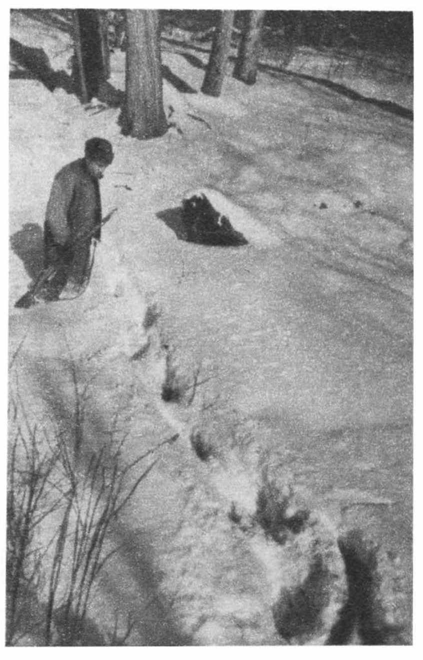
Фото Н. Назарова (ТАСС).

Величественна природа Приморского края... Высокие, стройные сосны, серебристые лиственницы, старые липы и могучие дубы, маньчжурский орех... На юге кедровые леса, перевитые лианами, своей пышностью напоминают влажные субтропики. В потаенных таежных местах растут травы в рост человека, широко раскинулись гигантские папоротники. Сохранились реликтовые (остаточные) растения: тис, двадцатиметровой высоты бархат или пробковое дерево, целебный лимонник, овеянный легендами жень-шень и экзотический лотос — растения, существовавшие еще в третичный период, миллионы лет назад.

Труднопроходимы, а порой и недоступны для человека таежные заросли. В них обитают неуклюжие медведи, гибкие и пружинистые в прыжке барсы, быстрые, стройные козули и пятнистые олени, свирепые кабаны и величественные уссурийские тигры.

Здесь, в таежной глухомани, на склонах горных отрогов Сихотэ-Алиня промышляют редкого зверя для зоопарков страны смелые и выносливые сибиряки.

На охоту вышли известные охотники-тигроловы: комбайнер Красноармейской МТС И. Т. Трофимов, колхозник сельхозартели «Красный Октябрь» М. Т. Трофимов, лесник Тудо-Ваксного лесхоза Е. И. Калугин и заместитель председателя Малиновского сельпо В. С. Петрушенко (фото слева).

...Обнаружены свежие следы тигрицы и тигрят (фото справа). Теперь охотники пойдут по горячему следу...

Зверь настигнут. Начинается трудное, долгое преследование его: тигра нужно захватить живым!

Зверь, увязая в глубоком снегу, прыжками пытается уйти от преследователей... Наконец он обессилен. Собаки отвлекают внимание, в это время охотники рогатками прижимают зверя к земле и набрасывают на него сеть, в которой он запутывается.

Остается самое «легкое»: связать хищника так, чтобы он, отдохнув, не мог пустить в ход свои мощные лапы или страшные клыки...

Вот он, спеленатый красавец! Любуется на добычу удачливый охотник.

НОВЫЙ ТЕАТР В ЗАПОРОЖЬЕ

Недавно в Запорожье открылся новый областной Драматический театр имени Щорса. Это — самое красивое здание города, украшенное белыми колоннами. Зрительный зал, вмещающий 900 человек, фойе и залы театра отличаются прекрасным оформлением.

За первый месяц работы театра в новом здании его посетило более 20 тысяч зрителей. Здесь побывали рабочие металлургических заводов, колхозники из ближайших районов. Сейчас театр готовит спектакль «Порт-Артур» по известному роману А. Н. Степанова.

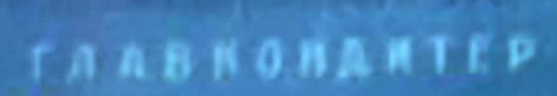
На снимках: вверху — общий вид театра вечером; справа — фойе; внизу — зрительный зал.

Фото А. Гостева.

КАКАО

ЗОЛОТОЙ ЯРЛЫК

ВЫРАБАТЫВАЕТ
КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА
„Красный Октябрь"

КАКАО

ПОКУПАЙТЕ
КАКАО
ВКУСНЫЙ
И ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОК